

НАТ РЕЙВЕН

A woman with dark hair is shown from the waist up, embracing herself from behind. She is looking over her right shoulder towards the camera. The background is dark, and there is a bright light flare on her back.

ПОСЛЕ ТОГО, КАК НЕ СТАЛО ТЕБЯ

**ВНУТРИ МЕНЯ
ГАСЛИ ЗВЕЗДЫ**

16+

Нат Рейвен

Внутри меня гасли звезды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55894980

SelfPub; 2021

Аннотация

Известная в США танцовщица, владелица студии Мередит Коуэн покончила жизнь самоубийством. Семья пережила ужасный шок. Но больше всего досталось старшей дочери – Дакоте. После трагических обстоятельств ее словно подменили. Из доброй, спокойной, подающей большие надежды девушки, она превратилась в неуправляемую фурию и встала на скользкий путь. С чем ей придется еще столкнуться? Что будет дальше? Сможет ли Дакота исправиться? Сумеет ли побороть демонов своего прошлого, чтобы не очернить будущее? И что делать, когда единственная причина саморазрушения – ты сам?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	70
Глава 7	80
Глава 8	92
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Нат Рейвен

Внутри меня гасли звезды

Глава 1

Внутри меня гаснут звезды. Я задыхаюсь, разрушаюсь, горю. Мне больно.

Моя жизнь – сплошной страшный сон. Обычно от кошмаров избавляются, открыв глаза. И только я все еще не могу проснуться.

Я разгромила его комнату. Разворотила все, что попало мне на пути. Разбила дорогой стеклянный стол, чертов светильник. Разорвала шелковое постельное белье. Разбросала его обожаемые книги редких изданий. В зеркало во весь рост полетела его довольная физиономия в рамке. Теперь здесь одни осколки и рваные куски бумаг.

Битое стекло затрескалось под подошвой туфель и мерзко закрипело. Это место за считанные секунды стало жалким и убогим.

Так ему и надо! Это меньшее, что он заслужил.

Я разозлилась. Опять. Гнев стал уже привычным состоянием.

Год. Почти год. Он смог вытерпеть только жалких 357

дней!

Подонок. Предатель. Подлец.

Ненавижу его, ненавижу весь мир. Ненавижу!

Я слышу уверенные шаги. Он поднимается по лестнице и скоро окажется в своей спальне. Он ничего мне не сделает. Глубоко в душе он знает, что виноват. Но я не хочу видеть эти собачьи глаза, слышать деликатно тихие слова успокоения. Меня тошнит от того, что я вижу и слышу всякий раз, когда выхожу из себя:

– Ничего страшного. Ты в порядке?

Каждый раз, когда происходит что-то подобное, он невозмутимо поднимает руки, показывая, что не станет ругаться и пытается подойти, чтобы обнять меня. Он думает, что это успокоит. Но кого, черт возьми, это успокоит? Именно из-за такого хочется врезать ему по лицу со всей силы, чтобы остался синяк, напоминающий о его тупых действиях. Меня нельзя трогать в такие моменты.

Секунда, и он будет здесь.

Я быстро выбегаю из комнаты, едва не сбив его с ног и, спускаясь по лестнице, затыкаю уши, чтобы не слышать:

– Милая, вернись. Нам нужно поговорить. Не оставляй меня вот так!

Я проношусь мимо обеспокоенных охранников, готовых в любую секунду схватить меня в охапку и, выталкивая дверь, оказываюсь на улице.

Легкий ветер жжет лицо. Противный воздух противного

города вбивается в легкие противной ночной свежестью и заставляет задрожать как осиновый лист.

Вот оно – продолжение. Точнее, начало моей слабости. После агрессии всегда наступает слабость. Она словно предательница принуждает меня остановиться посреди пустынной дороги и начать выть. Реветь во все горло. Моя враждебность исчезает, как туман, в залитый солнцем день. В такие минуты я думаю, что грудь разорвётся на части, не оставив ни одной живой клетки.

Становится нестерпимо больно и гадко. На душе скребут тысячи кошек, омерзительно мяуча в унисон. А после этой серенады появляется *ЕЕ* нежный сахарный голос. Родной, любимый, самый красивый голос.

Нет, нет, нет! Только не это!

Останавливаться нельзя. Иначе меня догонят и вернут домой, чтобы просто по-хорошему попытаться выйти на разговор. Ничего нового я не услышу, именно поэтому необходимо бежать как можно быстрее. Этой ночью я точно туда не вернусь.

Ослеплённая слезами и ненавистью продолжаю свой путь в неизвестность. Я в прямом смысле без понятия, куда прусь. В этом городе я всего неделю, и за все время не выходила дальше конца улицы, но я уже явно за ее пределами.

По скудному свету фонарей можно понять, что меня занесло в дешевый район большого муравейника. Оборванные афиши и ошметки газет «Филадельфия инкуайрер» валяют-

ся под ногами; вонь от мусорных баков такая, что хочется рефлекторно зажать нос. Малоэтажные дома с обшарпанными фасадами молчаливо пялятся на единственную прохожую, заблудшую волею судьбы в гетто.

Идиотское вечернее платье до пят волочится по земле и расходится по шву в подоле. Вконец раздражённая тем, что оно мешает нормально передвигаться, я разрываю дорогое кружево до колен и выбрасываю его прямо на чью-то машину, мирно стоящую у обочины.

Я зла, но все же бессильна, потому что позволяю слезам оставлять мокрые дорожки от глаз к губам. Его предательство словно булавками прицепилось к сердцу.

Боже мой, за что мне все это?!

Зачем он так поступил?

Какое право он имел на это?

Я не прощу его. Не прощу. Он будет гореть в аду.

Яркий ослепляющий столп света привлекает внимание, оглушительный скрежет тормозов бьет по мозгам. Секунда. Мгновение. Свист мимо ушей. Я падаю. Падаю на колени прямо в лужу, больно раздирая кожу на чашечках. Висок встречается с шершавой поверхностью холодного асфальта.

Что за урод?!

Я с трудом размыкаю тяжелые веки и приглядываюсь к расплывчатому силуэту, подсвеченному недалёким светом фар. У этого человека слишком большая голова. И лишь потом до меня доходит, что это из-за байкерского шлема. Он

снимает его, но я не вижу лица из-за неудачного положения теней.

Он что-то говорит, но до меня дотекает лишь глухая вибрация, смешанная с нестерпимым шумом в ушах. В голове мелькают тысячи ругательств, но я не могу сказать и одного. Пытаюсь встать, но это больше похоже на бесполезное ёрзание по земле пьяного в стельку подростка.

Его крепкая рука цепляется за мое запястье и переводит в вертикальное положение. Я отталкиваю байкера и стараюсь взглянуть в незнакомые глаза, наполненные диким удивлением. Картинка нечеткая из-за того, что мои веки предательски дрожат, словно крылья подбитой птицы!

Не отпустившая до сих пор злость запускает в кровь новую порцию норадреналина, и я начинаю месить кулаками, скрытую под кожаной курткой, грудную клетку этого парня. Я кричу что-то невнятное и бью, просто бью. Он ни в чем не виноват. Но он стал последней чашей, в которую я выливаю остатки своего гнева и ненависти.

На месте байкера должен был быть совсем другой человек.
ОН.

Удар, еще один. Кулаки болят от напряжения. Незнакомец неизвестно зачем на пару секунд позволяет выместить на себе агрессию, а после, хватая в охапку, крепко и настойчиво прижимает к себе.

Пять коротких вздохов, три бесполезные попытки вырваться, и я снова плачу. Горячие слезы поджигают до мучи-

тельного зуда красную кожу на щеках, но это длится недолго. Моя измотанная нервная система предательски позволяет слабости взять управление, и я теряю сознание.

Падаю, как мелкая монетка из кармана.

Отстой!

Около года назад

Раннего «доброго» утра мне сегодня пожелала боль. Нет на свете такого физического мучения, сравнимого с мучениями душевными. Если и давать им хоть какое-нибудь описание, то можно остановиться на ощущениях обуглившейся до костей плоти.

Колет, печет, режет, лихорадит, сводит с ума.

Здесь слишком много копов и медиков. Бесноватый свет сине-красных мигалок раскрасил бледный сумрак летней зари. Стопилось куча зевак. Всем интересно узнать, что же произошло. И, судя по выкатанной тележке с простыней, это не ограбление или слишком бурная ссора, а убийство. В данном случае – самоубийство.

Это тот самый момент, изменивший меня. Все во мне. Все встало с ног на голову. Каждый, кто идет следом за носилками на колесиках, с данной секунды перестает быть тем, кем его привыкли видеть.

Мы уже не будем такими, как прежде. Никогда.

Сегодня последний день, когда я была тихой, спокойной девушкой. Когда я была нормальной. Воющая сирена разде-

лила мое существование на две части. Располовинило так, что жёстче некуда.

Случилось страшное. Самое ужасное, что могло произойти, потому что больно, как сейчас, ещё никогда не было. Впереди меня парамедики катят тележку с телом. С мёртвым, бездыханным телом моей матери. Она покончила с собой. Наглоталась таблеток.

Рядом идёт сонная пятилетняя сестренка и перепуганный до чертей отец. Он только недавно приехал домой после очередной удачной сделки, поэтому одет весьма представительно. Как на похороны. Ага. Именно он обнаружил уже неживую мать. Именно он закричал во все горло от раздирающей душевной боли так, что проснулись не только его дети, но и пара домов в квартале.

Маленькая Ив вцепилась мне в руку, словно я спасительная ветка над топким болотом, и если ее отпустить, то можно провалиться в тягучую пасть. Но именно ее крепкая хватка – единственное, что держит меня в рассудке. Поправочка: в ложном рассудке. Пока я медленно плетусь, моя жизнь преступает к перезагрузке, после которой нынешнюю Даки сотрёт с лица земли вместе с мертвой матерью. Ведь то, что стало пеплом, возродить невозможно...

«Завтра» без нее – это как «Сегодня» без кислорода. Тщетно.

Мне часто снится именно этот период прошлого. Сложно

сказать, сколько раз я видела одно и то же. Сбилась со счета. Это не игра сознания, а действительно произошедшее. Именно оно окрасило в черный цвет мои полосы жизни. Она стала такой дерьмовой и бессмысленной. Все стало дерьмовым и бессмысленным.

Голова трещит, словно я надралась текилы в дешевом баре, – знакомое состояние. Ноет все тело. Я поднимаюсь с дивана, и только спустя секунду понимаю, что не со своего. Вокруг все чужое: обстановка, гранжевые фотографии на кирпичных коричневых стенах, полуразваленный столик, захламленный стопками бумаг.

Где я?

Мне не впервой просыпаться не в своем доме. За последний год я часто оказывалась за его пределами, но всегда знала, кто являлся хозяином места, ставшим мне ночлегом. И должна заметить, что утро встречало меня в разных обстоятельствах, но всегда в моей одежде и никак не в мужской футболке.

Что вчера произошло? Я с кем-то переспала?

Уж чего-чего, а этого я себе не позволяла. Я стала стервозной тварью, но отнюдь не шлюхой.

– Есть кто-нибудь, кто объяснит, что я здесь забыла? – блуждая по просторной комнате с высокими потолками и разглядывая огромное фото, валяющейся на полу своеобразно одетой девушки, громко спрашиваю я.

В ответ – тишина. Похоже, здесь я совсем одна. Что ж, это

тоже не в первый раз.

Выглядываю в чуть распахнутое окно, открывающее вид противного города. Без понятия, где я, но примерно в четырехстах футах от земли. Как я уже говорила, я ни разу не выбиралась за пределы своего богатого района. Скорее всего, это центр. Мегалополис шумит жизнью. Рев машин, голоса прохожих, безостановочное движение. Утро вцепилось в каждого своими рутинными обязанностями. Стройные высотки прикрывают кровавую бойню палящего солнца; люди, как муравьи, снуют в хаотичном порядке; где-то вдалеке тянется ровная полоска реки Скулкилл. Филадельфия проснулась.

Ненавижу этот город. Всей душой, всем сердцем, каждой клеткой.

Мой родной Нью-Йорк, как же я скучаю и хочу вернуться!

Там осталось все, там осталась *Она*...

– Ну что, Его Величество выспалось? Извольте чего-нибудь или обойдетесь?

Высокий брюнет в кожаной куртке и порванных джинсах оценивающе уставляется на меня. Его то ли голубые, то ли зеленые глаза с некой хищностью таращатся на мои неприкрытые ноги. Меня ни капли это не смущает. Чувство стыдливости продалось нехорошей стороне еще давно, как и многое другое...

Уголки его рта немного приподнимаются, и вместе со скудной улыбкой на правой щеке вырисовывается глубокая

ямочка.

– Ты кто такой? – забывая о всяком такте, грубо спрашиваю я.

– М-да, это самый главный вопрос...

Он нетерпеливо закатывает глаза и садится на диван, закидывая ногу на ногу.

– Отвечай. И вообще, что я здесь делаю?!

– Стоишь и смотришь в окно, как я успел заметить.

– Слушай, будешь острить с какой-нибудь наивной душой, а со мной, будь добр, отвечай по делу.

– Быть добрым? К тебе? – Раскат неуместного смеха. – С чего вдруг? К бешеной, которая ходит по проезжей части в час ночи, а потом накидывается на незнакомого человека, желающего помочь? Заслуживаешь ли ты? Не думаю.

Он не так прост. Обычно всякий пугался моего напора и отступал, а этот, похоже, даже не собирается. Сказать честно, я не привыкла к подобному.

На его лице открыто заиграла насмешка.

– Окей, я, наверное, должна извиниться? – строя невинные глазки, с напускным пафосом выдаю я. – Не дожدهшься. Какого черта я нахожусь неизвестно где, неизвестно в чем? Какое право ты имел меня переодевать?

– Твое порванное недоплатье было все в грязи и крови. Я не собирался пускать тебя на свой диван в этом.

Он тычет в угол, где валяется уже половая тряпка, а не дизайнерский наряд за пару тысяч.

– И почему ты просто не отвез меня в больницу?

– Чтобы там вызвали копов? Проблем из-за какой-то неуравновешенной оборванки еще не хватало. Ты просто отрубилась. Скажи спасибо, что не оставил там, где все и произошло.

– Оборванки? Ха-ха-ха! Так меня еще никто не называл. Будешь моим первым... Что ж, если честно, мне плевать, кто ты. Дай мне телефон, я вызову машину и наконец покину этот клоповник.

– Ты со всеми ведешь себя как надменная тварь? – Брюнет встает, цепким взглядом выдавая раздражение.

– Со всеми.

– Поучись хоть базовым правилам хорошего тона!

– Поучись не лезть со своими наставлениями к незнакомому человеку.

– А я никуда и не лезу, это ты находишься в моем доме.

– Это ты принес меня сюда.

– Уже давно пожалел об этом.

– Впредь будешь более рассудительным.

Он внимательно смотрит в мои глаза, стараясь что-то понять, найти хоть каплю благодарности. Бесплезная попытка. По его лицу скользит недовольство, но он все-таки протягивает телефон, а после, хлопая дверью, уходит в другую комнату.

Машина приезжает через десять минут. Даже скорая не появляется так быстро, как охрана, узнавшая мое текущее

местоположение.

Последний раз оглядываюсь по сторонам квартиры, ставшей мне очередным незапланированным пристанищем на ночь, а затем в одной футболке, едва прикрывающей бедра и в расцарапанных лаковых туфлях, спускаюсь вниз.

Еще одна дурацкая ночь в копилку.

Глава 2

Молчаливый Стив, верный и преданный телохранитель везет меня домой. Он, как и все охранники, не позволяет себе лишних эмоций, но его мудрый взгляд, как у мастера Йо-ды, бороздит укором. Хоть у кого-то... Папаша побаивается на меня так смотреть, стараясь лишний раз не задевать мой пылкий нрав.

Уверена, меня уже ждет мистер Уэйд Коуэн с очередной порцией поучений. Терпеть его не могу! Мой отец – огромная заноза в заднице. А после того, что мне довелось вчера увидеть, – еще и предатель.

Прошел почти год после того, как маму закопали в земле, а он уже нашел ей замену в лице мерзкой блондинки и по совместительству партнера по бизнесу – мисс кошмарные кривые ноги. Он представил ее как свою спутницу, намекая на то, что в будущем она может стать моей мачехой. И не нашел места лучше, как на приеме у своего инвестора. Лучше бы он не брал меня с собой, придурок. Надеюсь, я заставила его краснеть перед напыщенными толстосумами и их расфуфыренными женушками. Я закатила знатную сцену, о которой еще долго будут судачить.

– Мисс, ваш отец ждет вас в гостиной, – открывая дверь, сразу же заявляет экономка.

Я лишь бросаю на нее недовольный взгляд и поднимаюсь

к себе в комнату, игнорируя все ее попытки обратить на себя внимание.

Нервный топот ножек преследует меня до лестницы.

– Дакота, я прошу вас, вернитесь. Мистер Коуэн очень переживает, он ночь не спал, обзванивая все больницы. Пожалуйста.

Экономка становится впереди, преграждая путь, но она одна из немногих, на кого я никогда не вымещала и не вымещаю свой гнев.

Пышнотелая милая миссис Данн с добрыми, как у собаки, глазами всегда была снисходительна ко мне. Именно она поддерживала меня первое время, когда я горестно оплакивала великую потерю всей своей жизни. Это потом я сорвалась, и даже ее чуткая натура не смогла уgomонить взбесившуюся девчонку.

– Вы видите, в каком я состоянии? Не думаю, что отец обрадуется, если заметит, что на мне надето.

Я вру, на самом деле мне плевать, что он скажет или что подумает. Он видел меня и в обстоятельствах похлеще. Но чтобы не заваривать очередной конфликт, я все же прибегаю к подобной уловке.

– Хорошо, милая. Я скажу, что вы спуститесь чуть позже.

Прохожу мимо отцовской комнаты и замечаю, что после вчерашней разрушительной вакханалии и следа не осталось: все убрали. Мебель вернули на свои места, заменили постельное белье. Вот только зеркало и стеклянный столик уже

не вернуть, они пали жертвой ночной разборки.

Ах, какая досада! Шутка, конечно же.

В своей жизни я устраивала всего лишь два погрома, и вчера был второй. Впервые это случилось еще в Нью-Йорке. Спустя пару недель после похорон я вернулась домой и наткнулась на коробки с вещами матери. Ее потихоньку принялись стирать из моей памяти. Начали с простого. Тогда я разгромила свою спальню так, что не осталось ничего уцелевшего. Это был мой первый приступ агрессии, в будущем переросший в диагноз.

Скорбь не должна переходить в гнев, потому что тогда человек становится монстром. Я стерла границы и превратилась в неуправляемое больное чудовище. Сначала были мелкие выходки, что-то наподобие побегов из дома, сильного алкогольного опьянения, невероятной раздражительности. Дальше – больше: аморальное поведение, драки, крупные скандалы. Я забросила учебу, пустилась во все тяжкие. Сложно представить хорошую девочку в такой ситуации, но, поверьте, возможно. Я действительно была милой, успешной, доброй, я была золотым ребенком таких же родителей. Но злость – это темнота. А в темноте очень легко заблудиться. И я заблудилась.

Доктора говорили, что это деструктивное поведение после психической травмы, совместившее в себе все виды агрессии. Обеспокоенный отец притащил самого лучшего психолога, для которого я стала лишь очередной подопыт-

ной мышью. Как вы уже поняли, он мне ничем не помог, а еще больше разозлил.

Не сказать, чтобы я тащусь от всего происходящего, скорее, мне даже плевать. Мне на все плевать! Индифферентность не коснулась только одного – мертвой матери (1). Мысли об ее отсутствии вызывают плохие эмоции и управляют моим буйством.

Ее не стало – не стало и какой-то части меня. Она утащила ее с собой.

Я зла на нее, на отца, на этот мир. Все из-за них. Они виноваты в том, что уничтожили во мне человечность. А теперь я постоянно слышу мольбу, которая должна побудить меня сжалиться. Но я не смогу, а главное, не захочу этого сделать.

Стук в дверь. Легкий, неуверенный. Папаша пожаловал.

Я вздыхаю так, словно кричу: «Больше не могу!» Мое шаткое терпение и правда на исходе.

– Дакота...

Он стоит возле порога, боясь начать разговор. В красных, от бессонной ночи, глазах читается усталость, боль, страдание. Я знаю, ему осточертело мое отвратительное поведение, но он ни разу так и не сорвался, не крикнул, не упрекнул. Железная нервная система. Все-таки он тот еще крепкий орешек! Я бы уже давно сослала такую дочурку на другой конец света.

– Мне нужно принять душ, – холодно говорю я.

– Где ты была? Почему у тебя царапины на ногах? Ты

опять с кем-то подралась? С тобой все хорошо?

– Ох, как много вопросов, не знаю даже с какого начать.

Может, ни с какого?

– Доченька, пожалуйста, поговори со мной.

– Я тебе еще вчера все сказала.

И тут я впервые вижу что-то новенькое во всей этой знакомой ситуации, знакомой беседе. Он усаживается на пол возле моей кровати и, ухватившись за волосы, начинает тихонько лить слезы. Капли соленой жидкости стекают по его щекам, цепляясь за подбородок, чтобы потом уйти в небытие.

Твою макаронину! Вот это поворот!

Он ни разу не плакал при мне. Похороны я не считаю, тогда была действительно серьезная причина. Но вот сейчас я откровенно в некоем шоке.

– Господи, я думал, что с тобой что-то случилось...

– В который раз? – надевая халат, устало спрашиваю я.

– Я не знаю... сбился со счета. Я боюсь даже представить, что будет, если с тобой что-то случится. Я не смогу жить с этим.

– Маме ты тоже так говорил? Ну ничего, живешь же как-то, даже новую избранницу себе нашел.

Зря я это начала. Горячие вспышки искр в глубине души начинают прокладывать губительные дорожки, ускоряя пульс моего эмоционального состояния до предела. Уже чувствую, как меня снова трясет от злости.

– Я живу только ради тебя и Ив.

– Ага, а еще ради любовницы.

– Она не любовница.

– Ой, давай не будем! Я не маленькая девчонка. Она неплохо целуется? В постели хороша?

– Даки!

– Я прошу тебя, отстань от меня. Или ты ждешь, что я буду извиняться?

– Нет, не жду.

– Правильно. Пап, уходи, а?

– Я не уйду, пока мы серьезно не поговорим.

– А сейчас мы говорим не серьезно?

Отец утирает последние капли со щек. Мне ни сколько его не жалко. Я бездушна, моя глубина пуста. И никакие слезы и слова не заполнят ее. Как говорил Конфуций: «Из всех преступлений самое тяжкое – бессердечие». И я преступница. Я больше не способна чувствовать других людей. Из меня вырвали это гребанное сердце.

– Я знаю, что ты обо мне думаешь.

– Сомневаюсь! – Я повышаю голос. – Хочешь правду? Я думаю, ты мерзкий предатель. Через неделю будет ровно год, как не стало матери. Через неделю! Семнадцатого августа. А ты уже нашел ей замену. Но только кривоногая партнерша никогда не станет частью этой семьи, понял?

– Родная, послушай...

– ... не перебивай меня! Раз уж я начала, то скажу все. Не смей ее сюда больше приводить. Пожалей. Я устрою ей здесь

адскую жизнь, если ты не прислушаешься. Поверь мне, я сделаю все возможное, чтобы она забрала свои шмотки и укатила как можно подальше отсюда. Ей еще долго будут сниться кошмары.

– Почему ты так меня ненавидишь, а? Разве ты злишься именно из-за того, что я нашел кого-то другого? Скажи правду, давай! – Его лицо кривится в гримасе отчаяния.

Он задал очень опасный вопрос. Рискнул по-крупному. Мы дошли до финальной точки. Я никогда не говорила об этом. Все это время я молчала, но подсознательно знала, что именно во мне заставило ненавидеть близкого человека с первых же дней утраты.

– Ах, ты хочешь знать первопричину? Ты сам захотел, милый папочка. – Теперь меня точно не остановить. – Во всем, что произошло с мамой, виноват только ты. Она наглоталась таблеток из-за тебя. Из-за твоего невнимания к ней, черствости. Думаешь, я не слышала, как иногда поздними ночами, когда ты был на очередной «делке», она плакала. Она чувствовала что-то, и теперь я знаю, что именно. Она поступила очень плохо, но ты причина этому.

– Вот оно что... Значит, такого ты обо мне мнения. Самого низкого?

– Понадобился год, чтобы это понять?

Он содрогнулся и сел на кровать, сжимая кулаки. Когда он так делает, это значит, что боль в его душе достигла максимальной отметки. Его губы вытягиваются в прямую линию,

а глаза загораются задумчивостью. Сейчас он на перепутье мыслей, и только ему известно их содержание.

– Дакота, ты ошибаешься, – пару раз глубоко вздохнув, спокойно говорит отец.

– Не успокаивай себя.

– Я никогда не изменял твоей матери. Я любил ее. Хочешь понять, почему она так поступила? Об этом знают немногие, потому что она сама этого пожелала!

– Что ты имеешь в виду?! Не смей мне сейчас врать, понял? Хорошо подумай, прежде чем открыть рот.

– Она была больна. Мередит решила уйти только потому, что не смогла смириться с уже поджидающей ее смертью.

Мне кажется, снаружи, среди ясного неба грянул сильнейший громовой раскат. Барабанные перепонки завибрировали так сильно, что стало нестерпимо больно. В ушах встал неприятный шум. Меня бросило то ли в жар, то ли в холод. Впервые за долгое время я почувствовала что-то другое, кроме злости. Растерянность.

Сама не замечаю, как оказываюсь у стены, прижатая неприятно-болезненным открытием.

– Ранняя стадия бокового амиотрофического склероза... И болезнь стремительно прогрессировала. Она не могла больше выступать. А ты же знаешь, что танцы для нее значили многое, но не больше чем ты с Ив. Мередит не хотела, чтобы вы, привыкшие видеть ее в хорошей форме, страдали от того, что могли бы увидеть ее в плохой. Она не хо-

тела быть обузой. Она не хотела быть овощем, за которым постоянно нужно следить. Ты же сама знаешь, какой она была неугомонной, вечно в движении. Мы посетили десяток врачей, даже начали лечение, и я думал, что она смирилась. Мередит прошла несколько процедур и немного приободрилась, перестала плакать, даже меня успокаивала. Мы хотели вам рассказать, но она все решила сама. Я не заметил, что на самом деле у нее было на душе. И если винить меня, то только за это.

На меня как будто вылили все помои мира. И от этого я почувствовала еще большую злость на отца, весь белый свет и на нее – собственную мать.

Какое право она имела на молчание?! Какое гребанное право она имела на то, чтобы не сказать мне об этом?! Она поступила максимально эгоистично, убив себя. Но если бы только я знала о болезни, я бы не позволила случиться подобному. Я бы из кожи вон вылезла, но не дала ей уйти вот так.

«Если» – ужасное слово. Не будь этого «Если», все было бы хорошо. Это «Если» дает ложную надежду, а потом же оно и растаптывает ее, злостно смеясь прямо в лицо.

Как же больно. Господи, как же мне сейчас больно! От некоторых травм нет никакого лечения. Ни одна способность, ни одно лекарство в мире не сможет затянуть рану, которая навсегда отпечаталась рваной полосой на груди. За что мне все это?! За что?

– Тебе сейчас лучше уйти, – стараясь не разреветься у него на глазах, почти мертвым голосом шепчу я.

Отец впервые за долгое время не задает вопросов и делает то, что я прошу. Дверь закрывается, укрывая весь дом от того, что сейчас произойдет.

Вот так я и живу. Паршиво правда?

Чуть больше года назад

– Милая, как все прошло? – Мама встречает меня на пороге дома, изведясь в томительном ожидании.

Только что я закончила свой экзаменационный проект в Джулиард. И как всегда – на отлично. Я в числе лучших студентов хореографического факультета академической программы, талантливая, амбициозная, стремящаяся к совершенству. Этим я пошла в свою мать, знаменитого хореографа, владелице прославленной танцевальной студии Нью-Йорка – Мередит Коуэн. Она известна в США и в тесных кругах считается чуть ли не кумиром. Она стала примером, на который многие ровнялись, и я не была исключением, с самого детства заручившись добиться такого же успеха. Я шла к нему уверенно, упорно, ловко преодолевая трудности.

Сияющей улыбкой я отвечаю на ее вопрос, на что получаю такую же реакцию в ответ.

– Моя девочка, я так горжусь тобой!

– Все благодаря тебе.

– Не говори глупостей! Ты талантлива и даже больше,

чем я. Исполнительная техника у тебя на высшем уровне, в этом ты переплюнула всех. И ты добьешься большего. Мне будет приятно потом слушать, что моя дочь превзошла своего первого наставника!

– Ага, только дай мне еще пару лет, и так точно будет! – хохочу я.

– Не сомневаюсь!

Мы идем на кухню, чтобы отпраздновать это маленькое событие, маленький шагжок к огромной цели. Вопреки строгой диете, мы наваливаемся на брауни. Сегодня можно. Сегодня есть повод.

– А как у тебя успехи? Что в студии?

– Все по-старому. Дела идут хорошо. Скоро конкурс штата, готово три группы. Думаю, мы всех сделаем. Программу, которую я придумала, вряд ли кто-то сможет переплюнуть!

– Кто бы сомневался. А твое выступление на Бродвее когда? Хочу заранее знать, чтобы не планировать ничего в этот день.

Подавившись куском, мама заходитесь кашлем, а после мрачнеет. Ее лицо сразу же приобретает серый оттенок. Почти незаметные морщинки у глаз и губ светятся, словно гирлянды на рождественской елке.

– Ох, калорийная зараза, не в то горло пошло. Что ты спрашивала? Ах, да... Я не буду выступать, – затаенно кашляя, мимолетно заявляет она.

– Что?! Почему? Что-то случилось?

Впервые слышу из уст матери нечто подобное. Сколько я себя помню, она не отменила ни одного концерта. Причина должна быть, мягко сказать, серьезной.

– Да ничего страшного, просто все перенесется на август.

Там вставили что-то другое на этот месяц.

– Понятно. Ну что же, буду ждать с нетерпением.

– А давай сегодня вытащим всех на свежий воздух? Может, в Парк Пелхэм Бэй? На байдарках поплаваем, посидим, как в старые добрые времена?

– Неплохая идея! Давно мы там не были, года два точно.

– Да, все такие занятые, что на семейный отдых времени не хватает. Эту ошибку нужно устранять.

Это был конец июня. Я вспомнила тот момент. Если бы я только знала, что на самом деле происходило, настоящую причину отмены выступления...

Она уже была в курсе, что больна и молчала.

А эта совместная поездка в парк...

В памяти всплывает солнечный теплый день, мама, Ив и отец. Мы так весело провели время, катаясь на байдарках, а после устроив пикник у пролива. Мы болтали, рассказывали шутки, танцевали, Ивонна пыталась нарисовать наши портреты. Я помню ярко-синее небо, лениво плывущие взбитые облака, щекочущий ноздри запах зеленой травы и... знакомый задор матери с едва заметными грустными глазами. Она

иногда задумывалась о чем-то, но я и представить себе не могла, что мысли в ее голове были страшными.

1. Индифферентность – безразличное отношение к чему-либо.

Глава 3

Битое стекло мелкими осколками усыпало всю комнату. Я опять выместила свое гневное недержание на мебель. Хотя лучше уж так, чем на чью-нибудь физиономию. За мной помнится много разбитых чужих носов и челюстных травм. Признаться честно, уже надоело веселиться в полицейском участке после драк. Надоело видеть адвокатов отца, отмазывающих меня от очередного загула.

На-до-е-ло!

Вокруг меня одно дерьмо. Мне жить не хочется, но и умирать я тоже не собираюсь. Я не повторю «геройский подвиг» своей мамы. Это она поступила, как отчаянная трусиха, я же такой не являюсь. Поэтому я все еще дышу и порчу всем существование своим поведением. И, думаете, меня это волнует? Нет, не волнует. Пускай терпят или уходят.

А ушли многие. Все мои друзья в Нью-Йорке за прошедший год вычеркнули меня из своей жизни. На каждой из четырех стадий скорби меня кто-то оставлял. Вы спросите, почему не из пяти? Ответ на поверхности – до последней я так и не дошла.

На первой, когда я все отрицала, с дистанции сошли двое, самые отвязные и взбалмошные, им стало скучно.

На второй, когда все во мне начало дышать злостью, ушла одна ранимая девочка, не выдержавшая агрессии.

Третья была самой короткой. Я осознала невозвратимость произошедшего, поняла, что моя мать неизбежно ушла, но принять так и не смогла. Я сидела у могилы, торгуясь с Всевышним, и молила, чтобы это все было страшным сном, забытым при пробуждении. Решившие, что я свихнулась, еще два человека из моего окружения тихонечко закрыли свои двери.

И самое веселенькое осталось на десерт – депрессия, но не обычная, а с примесью раздражительности, нервозности и той самой агрессии. К этому состоянию я уверенно приросла и по сей день так из него и не вышла. Самые стойкие друзья терпели все, поэтому я сама их вышвырнула. Как ненужные шмотки, они оказались на помойке моих воспоминаний.

Меня больше не волновали чьи-то жизни, не интересовали чьи-то проблемы и радости, даже свое будущее не беспокоило, что уж о других говорить. Я не вернулась в Джулиард, чтобы продолжить ранее намеченный путь к мечте. Те цели построила другая девушка вместе с матерью. Но ни той, ни другой не стало. Так в чем смысл что-то продолжать?

К черту выпускной курс, к черту успешное будущее. К черту все.

Весь год я паразитировала. Изводила нервную систему отца, его адвокатов, наших охранников и экономку; связалась с мутной компанией на темных улицах Нью-Йорка. Потом мы уехали из родного мегаполиса, оказавшись в Городе братской любви и моей сильнейшей неприязни к нему.

Отец надеялся, что с переездом все изменится, я изменюсь. Он даже предложил мне восстановить курс хореографии в университете искусств Филадельфии. На что был мягко послан куда подальше. Я не хочу больше танцевать, а уж тем более возвращаться туда, где фамилия «Коуэн» более чем известна и значима.

Начать снова заниматься танцами – сродни распаривать ноющий шов всякий раз, когда он начинает затягиваться.

Я устала открывать глаза утром и придумывать причины, чтобы встать.

Сегодня семнадцатого августа. Позади неделя молчания. Я ни с кем не разговаривала, никуда не выходила и почти ничего не ела. Я даже не вымещала свой гнев! Мнимое равнодушие внутри клубами свинцового тумана прилипло к телу. Я забила все эмоции в гроб и надежно заколотила крышку прочными гвоздями.

Я каждый день открывала фотографии, видео матери и бесчувственно смотрела на кусочки прошлого. Если раньше они вызывали страдания, то теперь от них ничего не исходило. Пустота.

Каждый день я изучала сайты, описывающие болезнь и безотрывно пялилась на экран с жалкими изображениями несчастных, чью судьбу безвозвратно изменил страшный недуг.

Прикованные к инвалидному креслу немощные тела,

обездолено свисающие ослабшие руки, странное и даже в каких-то местах пугающее выражение лица... Я старалась представить мать в этом положении, и, честно, не могла. Кого угодно, но только не эту, полную жизни и энергии, женщину.

Вероятно, она тоже искала информацию о диагнозе и чувствовала себя зверем, угодившим в смертельный капкан. Вот ты есть и одновременно тебя уже нет. Ты не умираешь стремительно, но уже и не живешь. Ты медленно и мучительно таешь, сгораешь, испаряешься. Вот она и приняла решение. **НИ СКАЗАВ МНЕ ОБ ЭТОМ АБСОЛЮТНО НИЧЕГО!**

Ночью она мне приснилась в красивом бордовом платье, исполняющая соло. В ее изящных плавных движениях сквозило бессилие и усталость. В глазах блестели молчаливые слезы. На ее губах застыла вымученная ассиметричная улыбка. Это был танец отчаяния, танец принятия непростительного решения.

Бешеное гроыхание в груди принуждает разомкнуть веки. Втянув истерично воздух, я не ощущаю грани реального и вымышленного. Я вижу ее призрачный силуэт, витающий по комнате и выглядывающий из окон. Она пришла сюда, чтобы напомнить о себе, о том, что она сделала, о том, что бросила меня.

– Убирайся, убирайся, убирайся!

Мой крик полирует горло наждачкой и заставляет всех проснуться в глухое летнее утро. Спустя минуту врывается

отец, позади которого уже стоят наготове телохранители, решившие, что сюда пробрался вор.

– Милая, что случилось? – Он подбегает ко мне и внимательно присматривается, пока Стив с каким-то парнем обшаривает каждый уголок комнаты. – Ты такая бледная! Почему тебя трясет? Ты заболела?

Да какая к черту разница, что со мной?!

На шум прибегает миссис Данн со стаканом воды и таблеткой успокоительного.

– Выпей, маленькая моя, выпей, зайчик. – Она заботливо убирает волосы с моего мокрого лица. – Все хорошо, мистер Коуэн, она будет в порядке. Ей всего лишь приснился кошмарный сон. Правда, детка?

Я лишь холодно смотрю на них всех, побуждая негодующим взглядом оставить меня в покое. Они знают, что если послушаться, будет истерика, поэтому молча выходят.

Я уже привыкла держать всех на расстоянии. Малейшая попытка нарушить его причинит другим кучу проблем и пробудит боль в глубине моей черствой души. Мне не нужно ни того ни другого.

– Сегодня же ровно год... Бедная девочка, – причитает экономка за дверью, думая, что я ее не слышу.

– Заткнитесь! Я не хочу, чтобы меня жалели! – ору я, кидая стакан воды в стену.

Я не бедная, а разбалованная истеричка.

Так и настал очередной гребанный день. Уровень парши-

вости моей жизни близится к критической отметке. Еще пару событий и датчик взорвется, а всех накроет ударной волной. И черт его знает, насколько эта волна станет губительной для окружающих.

Уже два часа я трясусь в машине на пути к кладбищу Грин-вуд. Холодные капли разрисовывают стекло, выстраивая незамысловатые узоры. И именно сегодня дождь решил поплакать, ветер протяжно позавывать, а свинцовые облака со скорбью понаблюдать. Природе приспичило побыть на подпевках у горя, устроив очередные похороны.

Теперь я не понаслышке знаю, что когда тебе плохо, все вокруг начинает строить декорации к твоей трагедии. Тучи прогоняют солнце, над морем властвует шторм, мрачные лица прохожих появляются на каждом шагу. Да, судьба полюбила надо мной издеваться. Чувствую себя школьницей, которую чмырят занозы-старшеклассницы. Вот сейчас меня явно окунули башкой в унитаз.

Малышка Ив смиренно сидит на заднем сидении, уцепившись в свою куклу и напевая ей какую-то глупую песенку. Она единственная в семье, кто не понял, что толком произошло. Она лишь знает, что ее любимая мамочка уехала в прекрасную сказочную страну и больше оттуда не вернется. Бедная девчушка, ее ждет взросление без материнской поддержки. Ее волос никогда не коснется теплая рука родной женщины, а переживаний никогда не успокоит мягкий голос. Надеюсь, это не помешает ей стать хорошим человеком, а не

той, кого из себя теперь представляю я.

Темно-красные розы, которые она любила, упали на кладбищенскую землю, ставшую ей последним пунктом назначения.

Не знаю, зачем я сюда приехала. Что я здесь забыла?. Смотреть туда, где разлагается ее тело; на понурые лица тех, кто решил почтить ее память? Это же добровольное глумление! Все говорят, какой талантливой и хорошей была Меридит Коуэн, но никто и рта не раскрывает, чтобы заметить, как мерзко и подло она поступила.

Все знают, но молчат. Показуха.

Стоя отрешенно вдали ото всех, я не плачу, ревет во все горло моя душа. Я не кричу от пустоты, кричат мои трясущиеся руки, сердитый взгляд и учащенное горячее дыхание.

Дождавшись подходящего момента, я незаметно покидаю место вечного упокоения.

Идти по знакомым улицам единственное, что приносит удовольствие. Последний год я часто зависала в Бруклине, сбегая из Верхнего Ист-Сайда. Здесь самые нормальные ночные клубы, куда не ходит опостылевшая манхэттенская элита. Здесь основная тусовка плохих девочек и мальчиков. Здесь разбивались рандомные морды. Здесь центр всех сумасшедших событий моего агрессивного периода жизни и здесь до меня никому не было дела. Я была вольна творить все, что вздумается и не вздумается.

А вот и один из зачуханных баров, в котором я часто за-

висала, – Блэк Кэт. Грех не зайти!

Я распахиваю скрипучую дверь, и паб окутывает меня знакомым запахом жженой карамели и хмельного пива. Приглушенный, словно в подвале, свет пляшет по кирпичным стенам, содрогаясь от топота.

Людей не много, как и принято в такое время: сейчас еще около шести. Но дайте этому месту пару часов, и здесь будет целая толпа желающих надраться и выплеснуть свою энергию в неумелых танцах.

– Даки, ты ли это?! – Басистый голос бородача Джексона встречает меня прямо у порога, как старую добрую приятельницу.

– Привет, дровосек!

Я усаживаюсь на высокий стул и по-хозяйски закидываю ногу на ногу.

– Ты куда пропала-то?

– Меня затащили в Филадельфию.

– Во дела! Так ты что, как всегда, сбежала?

– Типа того.

– Что ж... – Почесывая свою жесткую растительность на лице, меняется в голосе он. – Давай угощу чем-нибудь за счет заведения! Как обычно, джин с колой?

– Без колы.

– Ты сегодня по хардкору, малышка.

– Ну а чего тянуть?

– Действительно. Вся суть Коуэн в одном выражении.

Бармен внимательно смотрит, как стремительно пустеет стакан и смеется.

Горчащая ядреная жидкость проникает в горло. Вкус можжевельника и пряных трав пробивает нос и вызывает слезы. Джексон уже протягивает стакан с колой, но я трясую головой и громко взвизгиваю, от чего все посетители сразу же обращают на меня внимание.

Несколько пар хищных глазищ местных альфа-самцов задерживают свой взгляд чуть дольше. Я знаю, о чем они думают – проходила. И я знаю, что их ждет, если они попытаются завязать со мной контакт. Разбитая рожа и урок на всю жизнь – вот что.

А вот и папаша спохватился. Мне не хочется принимать очередную волну беспокойных отцовских возгласов с просьбами вернуться обратно. Я выключаю пиликающий от непрерывных звонков телефон и громко кладу его на столешницу, одновременно показывая жестом бородачу повторить заказ.

Да, тварь я еще та.

– Лихачи спрашивали про тебя.

Бармен имеет в виду одну банду, с которой я «имела честь» связаться. Они мотогонщики, а еще дилеры. За шлемами скрываются тупоголовые имбецилы, не знающие ничего, кроме гонок, продажи, употребления наркотиков и беспорядочных драк с их злейшими врагами. Я понравилась главарю, вот они и разыскивают меня повсюду. Даже но-

мер пришлось сменить, дабы не названивали. Не то чтобы я одумалась, просто мне с ними быстро наскучило. Источник азарта иссяк, а потребность в нем чувствовалась значительная. Но в их компании я была достаточно времени, чтобы набраться гадостей. Зараза хорошо ко мне прилипла.

– И что им было нужно?

– Интересовались, куда ты подевалась.

– Пусть и дальше интересуются.

– Правильно. Хантеру будет зажирно. Он не заслуживает такой красотки.

Я не достаиваю его комплимента ответом и лишь делаю еще пару глотков. Я привыкла, что меня считают «красоткой». Я действительно не серая мышь. Природа меня сполна одарила прекрасной фигурой и смазливый личиком. Только такая внешность притягивает всяких моральных уродов, жаждущих заглянуть под юбку. Я часто натыкалась на придурков, на которых и вымещала весь свой гнев.

Благодаря танцам, мышцы у меня в тонусе, руки, ноги сильные. Этого хватало, чтобы влезать в драки или зачинать их. На самом деле достаточно врезать пару раз и меня отпускает, поэтому до смертельного состояния я никого не доводила, но в полиции бывала частенько. Там не соскучишься. Доставляло особое удовольствие общаться с копами, с пеной у рта угрожающими заключением. Но их слова – лишь вода, которая только и может, что плескаться в стакане. Благодаря прекраснейшей работе адвокатов, меня отпускали почти

сразу же.

Проходит час, два. В крови уже блуждает достаточно джина. Народу становится больше, воздуха меньше. Отовсюду разит дешевым парфюмом и примитивными разговорами. Мне становится скучно. Поэтому, попрощавшись с Джексонном, я покидаю Блэк Кэт.

Такси привозит меня на Мэдисон-авеню. Прямиком в жерло вулкана, а если быть точнее, то в танцевальную студию имени Мередит Коуэн.

Какого черта я тут забыла?

Спросите что-нибудь попроще. Видимо, мне требуется еще больше, чем есть, издевательств над собой.

Просторное здание с шикарнейшим фасадом, от каждого кирпичика веет благородством. Я здесь занималась. Это место было мне вторым домом. Каждая ступенька родная.

За студию взялся друг нашей семьи, небезызвестный хореограф Брайан Хатчерсон. Он многое сделал, чтобы она не провалилась к чертям собачьим после смерти ее прежней владелицы. Может и хорошо, что ее не закрыли. На улицу полетело бы много действительно талантливых людей.

Свет горит лишь в двух оконцах на втором этаже.

Там раньше был кабинет матери.

Я вспоминаю ее, сидящую за столом и увлеченно что-то пишущую в блокноте. В глазах начинает неприятно щипать, будто в них кинули щепотку перца.

Захожу внутрь неизвестно зачем. Что меня сюда потянуло? Я не была здесь ровно год и обходила это место стороной всякий раз, когда была неподалеку.

Прямо в фойе у лестницы воссоздали постамент мамы в красивой балетной пачке и с розами. Рядом стоит много зажженных свечек, оплакивающие горячим воском годовщину ее смерти. Бесконечное количество всяких милых записочек а-ля: «Мы вас помним», «Вы в нашем сердце навечно» и в том же духе так и напрашиваются на то, чтобы их сожгли прямо в этом пламени скорби. Она все равно этого не увидит, эти почести – лишь бесполезная условность.

Открываю первую попавшуюся дверь в зал. Я так отвыкла от этой обстановки! От станков с дубовыми поручнями вдоль панорамного окна, открывающего шикарный вид на улицу и бутик Джорджа Армани. От зеркал во всю стену, величественных рельефных потолков и огромных люстр, источающих яркий свет. Все такое родное, но в то же время далекое. Каждый дюйм этого помещения ассоциируется с его мертвой хозяйкой.

– Дакота, что ты здесь делаешь? Тебя отец повсюду ищет! – Мужчина в деловом костюме разбавляет одиночество, появляясь передо мной.

– И тебе привет, дядя Брайан.

Давно я его не встречала. Он постарел... Мельком скользну взглядом по поседевшим волосам, отчетливым морщинкам у губ.

Куда делся тот самый человек, которого мама в шутку называла молодым перцем?

– Я, кажется, тебя сто лет не видел. Ты так изменилась!

– Для целого века я довольно неплохо сохранилась, да? Папаша рассказал, каким монстром я стала?

– Дакота Мерси Коуэн, не говори так о себе!

– А что тут такого?! Монстры живут в каждом из нас. Некоторые их годами удерживают в голоде, некоторые прикармливают, а некоторые устраивают для них знатные пирушки. Как думаешь, к какому типу отношусь я?

Дядя ничего не отвечает, а просто подходит и зачем-то меня обнимает. Я же все равно ничего не почувствую. Его руки крепкие, как и ведется у танцоров, но я ни черта не ощущаю, ни тепла, ни приятных мурашек по коже.

– Твой монстр кофе не хочет? – похлопывая меня по плечу, сочувственно предлагает он.

– Нет, не хочу мешать его с джином. – Я оглядываю зал. – Как успехи в студии? Процветает?

– Хм, да не сказал бы. После смерти Мередит дух этого место истощился.

– Да, мамаша и здесь знатно подгадила...

– ... что ты такое говоришь, милая?

Хатчерсон шокировано таращится. Ну да, он же не привык к моим перлам. Да это и хорошо, хоть кому-то не пришлось видеть всего кошмара.

– Да так, не бери в голову, Брайан. Приятно было тебя

увидеть.

На самом деле мне пофиг. Ну, вы поняли.

– Уже уходишь? – разочарованно спрашивает он.

– Нет, это вы уходите.

– В смысле? – Следует нервный смешок.

– Я хочу побыть здесь одна, если позволите.

– Хорошо, Дакота, но ты обещаешь не пропадать?

Боже правый, к чему эти слащавые манеры? Кому они нужны? Лишняя обязаловка. Я нафиг ему не сдалась, как и он мне. Единственное связующее нас звено покоится под семью футами земли.

– Отцу не спешите звонить, – поворачиваясь к нему спиной и встречаясь со своим напряженным отражением, лишь отвечаю я.

Брайан уходит. У меня остается максимум двадцать минут спокойствия, потому что потом сюда вломятся охранники, обчесывающие до этого весь город в поисках меня.

Четыре года назад

– Дакота, повтори последнюю связку. Она какая-то грязная!

– Мам, я уже ног не чувствую... – чуть ли не вою я от усталости, сидя на полу.

– Приемной комиссии в Джулиарде ты тоже так скажешь? Девочка, соберись!

Я готовлюсь к поступлению. Одного таланта для этой

школы мало, там важен результат многолетних усердий. Программа репетиций жесточайшая. Мать меня не щадит. Оно и понятное дело: дочь известного хореографа не должна ударить в грязь лицом. Именно она стала моим первым наставником, она научила меня двигаться, она заложила базу.

Ко мне всегда было больше требований, больше замечаний. Но через боль и слезы я добивалась высот, поэтому не злюсь на нее. Я знаю, что каждое ее слово небезосновательно.

Я поднимаюсь. Сто раз про себя повторяя, что танец – не набор движений, а смесь эмоций. Важно не только правильно двигаться, важно вложить в это действие себя. Джаз-модерн – танец баланса между полетом и гравитацией. Это момент возвышения и падения навзничь. Здесь важна каждая деталь.

Четыре восьмерки (2). Вступление. Спина прямая, руки во второй позиции. Резкий выпад в сторону с зависанием одной ноги в воздухе. Вперед...

Я должна отточить каждое движение.

Помню каждый кусок хореографии того номера. Я выстроила в нем определенную политику движений и чувств. Все было идеально. Меня приняли, похвалив отличную технику.

Помню счастливые и гордые глаза мамы, когда она узна-

ла, что я поступила в самую лучшую школу искусств. Тогда весь мир заиграл яркими красками, засиял светлыми лучами, закипел жизнью. Я была счастлива. Я обожала танцевать и только в этом деле видела свое будущее.

В ушах зашумела кровь. Перед глазами встала мутная пелена. По холодной щеке скатилась скупая слеза боли. В зале эхом пронесся родной голос матери, вылезший из глубин памяти. Дрожащие руки сжались в кулаки. Ногти вонзились в кожу, прокалывая внутреннюю сторону ладони.

Она была моим воздухом, но потом исчезла, а я получила кислородную недостаточность.

Не смей реветь.

Это все равно не поможет.

Легче не станет.

Вместо того, чтобы поддаться слабости, неожиданно для самой себя, я начинаю двигаться, повторяя движения того самого танца. Как сахар в кипятке, все вокруг растворяется, перестает быть видимым.

Прыжок. Нога вытянутая. Прогиб. Ее лицо.

Ох, моя спина!

Кажется, там что-то хрустнуло. Только идиот станет танцевать, не размявшись перед началом. Мой длительный перерыв сказался на форме. Я закостенела. Впрочем, это касается не только растяжки...

Услышав шорохи за дверью и тяжелый голос Стива, я оборачиваюсь.

За мной приехали.

Точно в срок. Слишком ожидаемо.

2. Счет – немаловажное понятие, без которого трудно разобрать танец на составные части. Чтобы просчитать музыку, нужно услышать ритм. Обычно на восемь счетов приходится одна строчка куплета песни.

Глава 4

Я устал. Я правда устал. Она сводит меня с ума. Каждая её выходка стоит многого: нервов, бессонных ночей, финансов. Мне не жаль денег для дочери, но когда они уходят на оплату ущербов, нанесённых в порыве гнева...

Проще ограбить банк, нежели достучаться до нее. Она уничтожает себя. Медленно, но уверенно двигается в сторону бездонной пропасти. И я боюсь, что однажды не смогу ее спасти, не успею подать руку помощи. Я боюсь, что однажды потеряю ее так же, как потерял Мередит.

Ее уход для многих стал болезненным. Я не исключение. Я горевал, не спал сутками, вспоминая наше счастливое, полное радости и любви, прошлое. Но я смог совладать с собой и справиться. У меня был стимул продолжить жить, не простаивать на месте, упиваясь болью, и этот стимул – две мои дочери. Но Дакота... моя маленькая девочка потерялась, заблудилась так далеко, что я уже не знаю, где и как ее найти.

Это не она.

Ее нет рядом.

В ее, казалось бы, знакомых глазах нет ничего родного. Единственное, что в них отражается, – это ненависть. Ненависть ко всему. И никакие способы вернуть ее в прежнее состояние не работают.

Я часто вспоминаю ее прежнюю. Задорную, веселую, ини-

циативную, уверенную в себе девушку я видел каждый день до того самого момента... Потом он стер из нее эти качества. Во мне еще теплится надежда, что они не исчезли бесследно, что однажды она сможет перебороть свою темную сторону.

После того, как мы вернулись из Нью-Йорка, она опять замолчала. Она и раньше уходила в себя, но с каждым разом эти путешествия затягивались все дольше и дальше. Уж не знаю, что лучше – животные крики или храм тишины за дверью.

О чем она думает? Что ее тревожит? Что она хочет сказать, но не может?

Дакота просто там сидит и ничего не делает. А ведь и дня не было, чтобы она не проводила его в движении. Она постоянно танцевала. Это занятие всегда помогало ей в трудные минуты. Кажется, что когда включалась музыка, и она начинала двигаться, то все плохое, посетившее ее душу, тут же испарялось. Но только не в этот раз. Она уже как год забросила все, что связано с танцами. Переехав в Филадельфию, я даже оставил одну комнату для хореографического зала, но она туда так ни разу и не заглянула.

– Милая, открой! – Я стою под дверью, стараясь достучаться хоть до какого-нибудь чувства дочери. – Я принес твою любимую пиццу с морепродуктами.

Но в ответ, как обычно, тишина.

А вдруг она что-нибудь сделала с собой?!

Эта мысль неожиданно въелась в мозг и заставила сердце

забиться в два раза быстрее.

Тело покрывается холодным потом. С колющим страхом в душе я начинаю неистово колотить в дверь, пинать ее ногами, выбивать. Она не сдерживает напора и срывается с петель, с грохотом падая на паркет.

– Стив, немедленно сюда!

Дакота, зачем ты так со мной? Что же ты творишь?

Иногда кажется, что мое путешествие по этому миру закончилось. Моя душа отправилась в свободный полет, оставив искалеченное тело на произвол судьбы доживать остатки дней.

Мост Бенджамина Франклина, конечно, не Бруклинский – жалкая замена, но тоже ничего. Яркая подсветка отражается в водах реки, усыпая ее голубыми и желтыми пятнышками. Небо сейчас такого глубоко темно-фиолетового цвета, что хочется протянуть к нему свои руки и дотронуться, а еще лучше устремиться ввысь. Взлететь, как птица или, на худой конец, как кленовый лист, гонимый ветром. Мне хочется туда, где не будет ни одной живой души, ни единого звука. Я хочу отдаться пустоте, как моя никчемная душа. Я хочу почувствовать невесомость. Я хочу стать невесомостью.

Окруженная сотнями разных звуков городской суматохи, я сижу на одинокой скамейке возле ветвистого дуба. Его темные ветки по-хозяйски протягивают свои длинные лапы. И, думаю, если бы они могли двигаться, то удавили бы меня,

подняв над землей за шею.

Все вокруг незнакомое и чужое. А я сбежала из дому. На этот раз незаметно. Вылезла через окно, как мелкий воришка или строптивый подросток. На это раз мне не хотелось выбивать мнимую свободу скандалом. Я просто тихонько ушла.

Не знаю, куда держать путь. Я устала. Я очень устала. Может, взять и уехать отсюда? Сменить не город, а страну? Свалить в какую-нибудь Канаду или Мексику? Денег у меня достаточно, я была не душой и переводила все, что давал мне отец, на левый банковский счет. Там накопилась приличная сумма. Жить на нее можно спокойно год. Но только вот есть ли смысл в том, чтобы сесть в самолет и покинуть все? Оставить прежнее, забыть? Есть ли смысл хоть в чем-то?

– Жизнь – дерьмо?

Устремив свой взгляд вдаль, погрузившись в размышления, я и не заметила, как мое одиночество нарушила молодая женщина, одетая так, словно бросить вызов всему обществу – идея фикс. То ли юбка, то ли брюки до пят никак не сочетаются с фетровой жилеткой в цветочек. А шляпа, как у Гендальфа, вообще стала бы последней каплей к сердечному приступу какого-нибудь модного кутюрье.

– Это вообще-то моя скамейка, но, так уж и быть, сегодня я разрешу тебе здесь остаться, – продолжает она.

– Разве это твоя собственность? Ты ее купила? – сухо замечаю я, отведя от нее глаза.

– Ишь ты какая! Сразу видно – стерва. Но только меня

этим не спугнешь, я знаю, почему такими становятся, и тебя не сужу.

– Мне плевать.

– Мне тоже.

Она замолкает и бесцеремонно усаживается рядом, снимая с плеча мешковатую сумку, в которой начинает дребезжать все ее барахло.

– Я пришла в твой дом? Ты живешь здесь что ли? – Раздраженно отодвигаюсь от нее, благо скамейка не маленькая.

– Я что, на бомжиху похожа? – заряжается смехом она.

– Похожа.

– Не суди человека по одежке.

– У-у-у, древней мудростью запахло.

– Раз хочешь сидеть здесь, то придется нюхать.

– Кому придется? Мне? Если я захочу, то тебя к этой скамейке на пушечный выстрел не подпустят!

Незнакомка ничего не отвечает, а лишь про себя ухмыляется и достает из саквояжа вечного странника бутылку виски. Я слышу, как она делает пару глотков, затаенно вдыхая воздух, словно закуску.

– Пей! – протягивая мне емкость, твердо говорит она.

– Еще чего!

Я резко отмахиваюсь. Бутылка чуть не падает, но все-таки не встречается с землей, спасаясь ловкостью своей хозяйки.

– Я знаю твой диагноз.

– Ты что, доктор Хаус?

– Хочешь, скажу, кого ты из себя представляешь?

– По мне видно, что я питаю желание? Повторюсь, мне плевать. А на твои мысли, так по давню.

– Твоей стервозности можно монумент поставить. Ты избалованный ребеночек папашки с толстым кошельком. Тебе позволено в этом мире все. Уверена, что даже если ты прикончишь кого-нибудь, то выйдешь сухой из воды. Но это неважно. Деньги тебя не греют. Суть вот в чем: ты больна. Понимай это как хочешь, но ты всего лишь психопатка. И причина этого заключения лишь одна – боль. Не знаю, может это рак или что-то другое, да и плевать.

Она делает еще пару глотков и затыкается.

Рак. Неплохая метафора. Все, что со мной происходит, – это злокачественное новообразование. Оно появилось год назад, дало метастазы и медленно ведет меня к тетке с косой. Когда-нибудь опухоль коснется жизненно важного органа, и никакая химиотерапия или операция не спасет этого тела.

– Ну что? В точку?

Я впервые бросаю на нее внимательный взгляд. Из-за того, что она сейчас близко, я могу рассмотреть ее лицо. Она не красавица, да и страшилищем тоже не назовешь, но есть в ее внешности что-то уродское, грубое. Скорее всего, это длинный горбатый нос, как у вороны, встретившейся с лобовым стеклом. Ей и тридцати не дашь, но шмотки все-таки знатно прибавляют возраста.

– Больная здесь только одна, и я с ней сейчас разговари-

ваю, – закатывая глаза, язвлю я.

– Не отрицаю первого, но с последним не соглашусь: нас двое.

– Да пошла ты!

Я резко встаю, собираясь покинуть ненормальную, но она напористо хватает меня за запястье и рыком усаживает обратно.

– Надо же как! Послала меня, а сваливаешь сама. Противоречивая или глупая?

– Да что ты от меня хочешь? Денег? Сколько тебе нужно, чтобы ты свалила отсюда на ночь?

Она начинает меня бесить не на шутку. Ненавижу людей, сующих нос не в свои дела, как собаки в тарелку с кормом. Лишь бы нажраться чужого дерьма, чтобы потом казалось, что свое не такое вонючее.

– Откупиться хочешь? Мне твои бабки к черту не нужны!

– Ошибаешься! Еще как нужны. Может, хоть одежду нормальную себе купишь, а то ходишь как пугало.

– Лучше как пугало, чем как стадо. Слушай, я не хочу ругаться. Глупо рамсить с тем, кого видишь впервые. Если не хочешь говорить – молчи, только не уходи. В таком состоянии ты можешь дров нарубить.

– Тоже мне, нашла дровосека!

– Прости, если обидела, я же не хотела. Мне просто стала интересна твоя жизнь, не более, вот я и предположила. Ты вообще местная или туристка?

– Местная. – С этой бабой бесполезно припираться, да мне и надоело. Не хочу себе портить еще больше и так поганый вечер.

– Тогда что ж ты тут делаешь?

– Пока ты не пришла, всего лишь сидела. Спокойно, мирно, молча.

– Богатенькие здесь не тусуются.

– Я уже заметила.

– Да и ты, судя по всему, не желаешь находиться в их обществе.

– Не желаю.

– Нахлебалась изысканного, а сейчас на простое потянуло.

– Никуда меня не потянуло.

– Я вижу.

– Глазастая.

– Наблюдательная.

– Давай сюда свою бутылку! – Если уж мне и предстоит находиться рядом с этой женщиной, то лучше быть под градусом.

Она невозмутимо протягивает емкость, и я сразу же делаю пару крупных глотков – чего тянуть? Незнакомка больше и рта не раскрывает, чтобы завязать беседу. И я, довольствуясь тем, что она наконец заткнулась, продолжаю прожигать себя, истерзывающими в клочья мыслями.

Проходит не более получаса, когда до меня доходит, что я уже опьянела. Огни города становятся ярче, звуки громче,

температура тела выше, душевная боль острее. Меня захлестывает череда неприятных воспоминаний, призраков прошлого в лице матери. Ее карие глаза таращатся на меня в теплом чувстве, а губы расплываются в грустной улыбке.

Опять она. Только не это...

– Предательница! Предательница! – нарушаю молчаливую обстановку я. – Убирайся отсюда. Я видеть тебя не хочу!

Незнакомка-недобомжиха с интересом зыркает на меня, словно пришла в кинотеатр на вечерний сеанс. Сюда бы попкорна, и картина выглядела бы завершенной.

Я швыряю пустую бутылку в дуб и, поднимаясь на ватные ноги, хватаюсь за волосы. Знакомая боль разливается по венам, как вино по бокалам. Каждая часть тела начинает ныть неприятными ощущениями. Комок в горле вот-вот распадется на слезы.

– Сядь! – несвойственной грубостью прерывает мою истерику молодая женщина.

Я, как собачка, послушно падаю на скамейку, содрогаясь от внутренней резни.

– А теперь выкладывай все. Давай!

Мое пьяное сознание недолго сопротивляется. Душевная слабость дает о себе знать, и я рассказываю ей обо всем, что довелось пережить за этот год. Выливаю на нее помой своего существования.

– М-да... печально. Но твоя история не должна заканчиваться на этом. Рано или поздно она бы ушла. Здесь только

вопрос времени. Это было ее решением, это была ее жизнь. Эх! Решения, решения, решения... Их так много в нашей жизни. Все наше существование – это решения. Нет ни дня, чтобы мы их не принимали, начиная от выбора цвета носков, заканчивая мыслью о смерти. Эгоистично? Да! Но ведь все мы эгоисты! Ты тоже эгоистка.

– Она сбила меня с ног.

– Тебя сбили с ног?! Вставай! Кинули топор в спину? Вытащи его, мать твою, а не ходи с ним со словами: «Ой, мне опять сделали больно». Ты знаешь, что жизнь – та ещё карусель. Так какого черта я вижу слезы на твоих глазах?! Слабых никто не любит, каждый будет пытаться поставить подножку, задеть. Ты же понимаешь, что подобным поведением показываешь свою слабость, да? И если будешь реветь, то станешь легкой мишенью. Ты очень далеко зашла, но еще не поздно все вернуть.

– Не хочу ничего возвращать.

Я ложусь на скамейку и смотрю на луну. Из-за ярких городских огней, ее единственную способно транслировать небо. Никаких звезд, никаких поводов, чтобы загадать глупое желание, предаться глупым мечтаниям. И она, худощавая, в форме серпа в ответ тарашится на меня.

– Хочешь! – спустя минуту раздумий, продолжает философствовать собеседница. – В глубине своей природы ты желаешь вернуться к тому, что тебе было некогда дорого. Ты отвернулась от своей семьи, хотя не должна была этого де-

лать. Ты кинула свою цель, хотя не должна была этого делать. Ты зачеркнула все, что было светлым, теплым и хорошим, хотя не должна была этого делать! Знаешь, сколько на свете людей желает иметь то, что есть у тебя? Так не упускай этот шанс! Забудь прошлое, вспомни о своем будущем. Подумай о нем, дуручка, иначе плохо закончишь. Я повидала таких, как ты – беспечных прожигателей самого ценного ресурса своей жизни. Кто-то из них уже давно гниет под землей, кто-то на пути к этому. Остановись, поверни в другую сторону! Даже когда многое потеряно, еще не поздно начать борьбу за оставшееся.

– Я не смогу без нее сделать и шага вперед. Я ненавижу ее за то, что она сделала, но все же, вопреки этому все еще чертовски сильно люблю. И за это ненависть, ставшая частью меня, еще крепче держит в своих щупальцах.

– Сможешь. Прими ее уход как данность. Смирись, прости и попрощайся.

Глава 5

Она вернулась сама. Почти под утро тихий дом наполнился ее неуверенными шагами. Я слышал, как она прошла мимо моей спальни, лишь на секунду задержавшись у двери. Хотела ли она войти? Что-то заставило ее остановиться?

Где же ты была? Совершила ли ты опять какой-нибудь дрянной поступок, Дакота?

Когда я зашел в ее комнату, она крепко спала. Ее ровное дыхание пощекотало кожу на моих пальцах. Я хотел к ней прикоснуться, но не посмел. Я не знал, какой реакции от нее стоило ждать на этот раз. Лицо целое, руки тоже. Значит, ночью она ни с кем не дралась – уже хорошо.

Я решил сегодня не ехать в офис, чтобы попытаться поговорить с дочерью. Отпустил Ив с миссис Данн по магазинам, а сам принялся за готовку овсяных блинчиков. Дакота любила их.

Когда-то.

Может, сегодня у нас получится обсудить хоть что-то?

Она появляется на кухне ближе к обеду. Впервые я не вижу в ее взгляде гнева. В нем затаилось нечто другое... Кажется, ее бездонные зелено-карие глаза поглотили вселенский масштаб усталости. Она так исхудала! Платье, еле прикрывающее колени, не скрывает шрамы на ногах, полученные в процессе беспорядочных драк. И я так корю себя за то, что

не смог уберечь ее от этих отметин!

– Привет, пап, – тихо-тихо шепчет она.

– Здравствуй, родная! Будешь есть? Я тут кое-что приготовил... Надеюсь, тебе понравится.

Даки бросает кроткий взгляд на тарелку и кивает в знак согласия.

Такое впервые!

Я и не ожидал, что нечто подобное произойдет, поэтому в моем сердце загорается маленькая искорка надежды на хорошее.

Дочь бесшумно усаживается на стул и берет один блин. Я подвигаю ей клубничный джем, она его принимает.

Господи, спасибо тебе за это!

Моей радости нет предела! Подумать только, я радуюсь тому, что она ест без укоров, упреков и ругани то, что я ей предлагаю!

– Чем думаешь заняться? – осторожно спрашиваю я.

– Не знаю.

– А чего бы ты хотела? Я сегодня выходной взял, может, сходим куда-нибудь?

– Нет, пап. Я не хочу. Как-нибудь потом...

Что ж, не все дается сразу, но ее спокойный настрой все-таки уgomонил мою встревоженную душу.

Это маленький шаг вперед, маленькая победа. Я не хочу ее спугнуть, поэтому напирать не стану.

Я хочу плакать. Но только так, чтобы после извержения слез стало легче, а не больнее. А всегда происходит именно так: в момент слабости я не чувствую освобождения от бремени, я ощущаю его крепко привязанным тугим узлом у себя на шее.

Как же я хочу плакать по-другому!

Прошло пару дней после беседы с незнакомкой у моста. Я не знаю почему, но со мной что-то произошло. Несколько психологов пытались неделями вбить мне то, что случайный собеседник смог донести за один вечер.

Нормально ли это? Реально ли такое?

Оказывается, реально... Меня как будто окатили холодной водой, окунули в ледяную прорубь, обуздали монстра простым разговором, не прибегая к сильнодействующим успокоительным. Он сейчас тихонько посапывает где-то в глубинах сознания, поэтому я не знаю, что происходит со мной. Кто я? Что это за человек? Нет желания грубить, ругаться, громить мебель, разбивать лица.

Впервые за долгое время я посмотрела на отца как-то по-другому. Он изменился. За этот год он постарел, как за пять лет. На лице появилась щедрая россыпь морщин, на волосах заблестели десятки седых волосинок. А ему и пятидесяти еще нет...

Это моя вина. И только моя! Он столько всего вытерпел, пережил. И ни разу, черт возьми, ни разу не повысил на меня голоса!

Как принять все это? Как разгрести последствия стихийных бедствий? Столько крушений, столько потраченных безвозвратно нервных клеток. Если я и зла, то только на себя. Сгусток гнева на мать остался, но больше не способен померяться своей мощью. Теперь в этом мире я ненавижу исключительно себя.

– Даки? – Дверь распахивается, и оттуда выглядывает маленькая голова младшей сестры.

Она ни разу ко мне не заходила. Когда-то давно я ей запретила появляться в своей комнате. Грубо и очень настойчиво указала податься восвояси. От того истерического голоса из прошлого пробегают мурашки по коже.

Бедная Ив, ты не заслужила такого обращения. Как же мне стыдно! Я оттолкнула тебя в самый тяжелый момент вместо того, чтобы прижать к себе крепче. Я пропустила твой день рождения и не поздравила с шестилетием пару месяцев назад. Я не сказала ни одного доброго слова... Какая же я тварь!

Хочется врезать себе со всей силы, чтобы изуродовать каждый дюйм тела! Моя внутренняя сущность должна совпадать с внешней.

Я уже было сжала кулаки в желании выместить очередную порцию нахлестнувшей агрессии, как вовремя очнулась, вспомнив про ребенка. Ивонна все так же стояла у двери, переминаясь с ноги на ногу и не решаясь войти.

– Папа сказал, что мне можно тебя навестить... Ты уже

выздоровела? – Ее чистенький голосок вызывает умиление.
«Выздоровела»...

Да, наверное, он сказал, что я больна. И я понимаю, что это не только глупая отмазка для шестилетнего дитя. Это сущая правда. Я действительно психически нездорова. И место такому пациенту в психушке, а не рядом с нормальными людьми.

– Почти выздоровела, сестренка... – Чувствую, что задышаюсь. К глазам подступают слезы и вот-вот выпросятся наружу.

Она осторожно подходит, и ее маленькая ладошка касается моей, сжатой в кулак, руки. Легонькое прикосновение приятно расходится по всему телу теплой пульсирующей волной. Я уже и забыла подобное чувство...

Мигом падаю на колени и крепко прижимаю сестру к себе, вдыхая лавандовый запах ее кудряшек. Ее сильные ручки обнимают меня за шею и взрывают каменные завалы в сердце. Темно-русые вьющиеся волосы Ив унаследовала от мамы, но вот глаза у нее – отцовские: почти зеленого цвета. И именно они сейчас внимательно разглядывают мое скупившееся лицо.

Моя родная девочка, прости меня за все. Прости за то, что ты видела. Я показала тебе страшного монстра. Но обещаю, что больше никогда не позволю встретиться вам снова. Никогда.

– А ты отвезешь меня в парк? Я так хочу покататься на ка-

русели! Папа не сможет, а миссис Данн очень занята, – спрашивает она с небывалым огоньком надежды в глазах.

– В парк? Хорошо, давай съездим в парк. Я отвезу тебя в самый лучший парк, на самые лучшие аттракционы, куплю тебе самую вкусную и самую сладкую вату. Я сделаю для тебя все, что ты захочешь!

Ив радостно взвизгивает и целует меня в щеку. Я чувствую, как она начинает гореть. Приятно гореть...

Не плачь, Коуэн, не плачь. Не спугни ее.

Я хотела побыть с Ивонной наедине, сама повести машину, но один из охранников увязался следом. И я понимаю, что это правильно. Все еще побаиваются оставлять меня с сестрой, думая, что я не смогу совладать с гневом. Я и сама не знаю, смогу ли побороть эмоции, если меня что-то выведет из себя, поэтому лишь благодарно улыбаюсь парню и усаживаюсь на заднее сидение.

– А где мой отец, мистер? Простите, вашего имени я не знаю.

Сквозь непробиваемое выражение лица охранника просачивается удивление. Он впервые слышит от меня что-то подобное. Я ведь то и дело орала на всех. А он, судя по всему, лишь недавно работает здесь, поэтому и не видел меня в другом состоянии.

– Вы можете звать меня просто Блейком, мисс. Мистер Коуэн уехал на сделку.

Он даже в выходные работает, лишь бы мы ни в чем не нуждались... Я обязательно сегодня же поговорю с ним и попрошу прощения за свое девиантное поведение. Я должна это сделать. Обязана.

Не хочу возвращать прежнее, теперь я хочу все исправить и зажить по-новому. И первое, что я изменю, это себя и свое непростительное поведение.

Здесь очень шумно, собралось очень много желающих провести свободное время и покататься на аттракционах. Повсюду слышен радостный гул детей. Разлитый в воздухе, сладкий запах ваты и ванильный поп-корн врывается в легкие. За пределами парка проходит какой-то байкерский фестиваль; рев моторов смешивается с прочим шумом, создавая вакханалию звуков.

Байкеры... только этих придурков не хватало.

Ив, таща меня за руку, бежит вперед к тележке со сладостями. Она так счастлива... И я являюсь причастной к этому. Как же приятно осознавать, что можешь сотворить такое чудо!

Накатавшись вдоволь на всех каруселях, мы идем к колесу обозрения, чтобы увидеть так не полюбившийся мне вечерний город с высоты. Блейк остается у будки, а я с сестрой прохожу в кабинку. С каждой секундой, поднимаясь все выше и выше, мы отдаляемся от земли.

Филадельфия красивая, правда, но все равно пустая! Пустая не потому что мало машин или людей, нет, этого добра

здесь навалом. Пустая по другой, неизвестной, но явно ощутимой душе причине.

– Даки, Даки, смотри, что там?! – тормоша меня за рубашку, любопытно спрашивает Ив.

Она показывает в сторону величественного стеклянного сооружения, принявшего на себя удары последних солнечных лучей. Отражая взбитые розовые облака и струящийся медовый свет, оно привлекает к себе внимание и заставляет тихонько восхититься.

– Если я не ошибаюсь, то это Комкаст-центр – одно из самых высоких зданий в США. Там находятся офисы.

– А что такое офисы?

– Ну... это места, где работают люди.

– Наш папа там тоже работает?

– Нет, офис папы находится чуть дальше.

– А жалко... Тогда можно было бы съездить к нему и посмотреть на это место изнутри.

– Там нет ничего интересного. На него если и смотреть, то только снаружи, как сейчас.

Я подставляю лицо к ласково касающимся струям света и вдыхаю так, словно стараюсь втянуть его в себя.

– Не может быть такого! Я уверена, что внутри очень и очень красиво. А ты когда-нибудь будешь работать в таком же здании?

Моя любознательная сестренка, я не знаю... Не знаю, где я буду работать. Я ведь все бросила. А без образования вряд

ли смогу устроиться на какую-нибудь приличную работу. Я так и не дописала главу одной из важных историй в своей жизни. Я оставила танцы, оставила Джулиард, оставила свои цели и мечты. Я и не уверена, что захочу когда-то танцевать... без нее.

– Я вот, когда вырасту, пойду работать туда. Что для этого нужно сделать? – Не понимает Ив.

– Для начала вырасти, милая. Нужно окончить школу, университет, получить профессию.

– Хм, а это долго?

– Ты и оглянуться не успеешь...

– Тогда все решено!

Я подавляю улыбку. В ее писклявом голоске прозвучала недетская уверенность. Она непременно станет тем, кем захочет. Я верю в это.

– Ты ведь пошла в школу, – вспоминая, что уже конец августа, замечаю я. – Тебе нравится учиться?

– Очень! Но там все такое легкое, нас учат тому, что я уже умею.

– Значит, у нас в семье растет гений!

Она начинает гордо ухмыляться, словно ей уже вручили премию за какой-нибудь прорыв в науке или искусстве.

– Папа говорит, что я очень на тебя похожа...

– Правда? Когда он такое сказал?

– Недавно. Он сказал, что я умница и очень талантливая.

А еще, что этим очень напоминаю тебя.

Дай бог, чтобы ты взяла от меня только хорошее.

– Ну не знаю, ты, скорее, похожа на маленькую, миленькую, но очень умную принцессу! – поправив ее, выбившиеся из пучка, волосы, шепчу я.

– На Белль (3)?

– На Белль!

– Я так и знала! – удовлетворенно восклицает она.

Мы выходим из парка, когда от солнечного света не остается и следа. Фонари сияют мягким мерцанием, укутывая улочки в теплую пелену. Ослепительная улыбка Ив украшает ее личико. Она осталась довольна сегодняшним днем. И я почувствовала то же самое. Это первый раз, когда за столь долгое время мне хочется вернуться домой, поужинать и посмотреть какой-нибудь старый фильм.

Мне хочется мира.

– Дакота?! Даки! Это ты?

Я оборачиваюсь и вижу высокого тощего парня в пару футах от нас.

Хантер.

А вот и звоночек из моего гнилого прошлого...

Будь проклят фестиваль, который решили провести именно сегодня и именно здесь!

Он направляется прямо к нам, но огромная спина телохранителя сразу же встает передо мной как защитная дверь.

– Не подходите к ним! – строго говорит он.

– Блейк, все в порядке! Он не опасен...

Наверное.

Охранник нехотя отступает назад и, напрягшись каждой клеткой, не сводит глаз с моего знакомого.

Хантер хищно ухмыляется ему, но уже спустя секунду все его внимание переключается только на меня.

Этот оценивающий алчный взор, от которого внутренности переворачиваются от омерзения... Он и раньше так смотрел, только тогда мне было все равно.

Его неизменная черная байкерская экипировка, массивный шлем в руках и пирсинг по всему лицу может напугать маленькую сестру, поэтому я прошу Блейка увести ее в машину. Он напрочь отказывается, но я, стараясь сдержать свое раздражение, повторяю уже более настойчиво.

Когда они скрываются с поля зрения, я надеваю на себя привычную стервозную маску и поворачиваюсь к байкеру, награждая его самым брезгливым взглядом из своего арсенала.

– Что тебе нужно? – Холод в моем вопросе доходит до него сразу же.

– А вот теперь я вижу, что ты – это ты.

– Со слухом проблемы?

– Да ничего такого, просто рад тебя видеть. Ты свалила куда-то... Не ожидал, что встречу тебя здесь, так еще и с сестрой. С каких пор ты подумала о ком-то кроме себя?

– Если это все, то прощай.

– Стой! Даки, погоди! Куда ты так спешишь? Раньше ты

такой не была, – орет он мне в след.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы не вспылить и не обляять его с ног до головы и ускоряю шаг. Но через пару секунд худощавая фигура преграждает мне путь.

– М-да, не ожидал от тебя такого. Слушай, я бегать за тобой не собираюсь, просто думал, что нравлюсь тебе.

– Ты много думаешь, Хантер, но это не идет тебе на пользу.

– Детка, остынь, я просто хочу с тобой еще раз увидеться!

– Ты один из миллиардов таких же мешков с нервной системой и примитивными желаниями. Всем плевать, чего ты там хочешь. Никому нет до тебя дела, и мне тоже.

– Понял! Сегодня ты встала не с той ножки. Короче, я буду в городе еще пару дней, если захочешь встретиться – звони. Номер тот же. Надеюсь, не забыла.

Я раздраженно киваю и отдаляюсь от него. Меньше дерзости в его сторону – больше вероятности поскорее избавиться от нежелательной беседы.

По телу проходит неприятная дрожь. Если бы я и захотела забыть его номер, то не смогла. Некогда я выучила его наизусть.

Как же противно.

Когда я сажусь в машину, то сразу же чувствую неладное. Температура в салоне словно поднялась на десятки градусов. Лицо охранника омрачилось – это плохой знак.

Я уже раскрываю рот, чтобы объяснить все произошед-

шее, но он тут же меня прерывает и заставляет ощутить колючий страх в районе грудной клетки:

– Ваш отец попал в аварию. Сейчас он в больнице в тяжелом состоянии, мисс.

3. Белль – главная героиня диснеевского мультфильма «Красавица и Чудовище», снятого по мотивам сказки Жанны Мари Лепренс де Бомон, «Красавица и Чудовище».

Глава 6

Мой мир подавился пеплом сожжённых надежд.

Боль кромсает сердце в фарш.

Жжение в груди мешает дышать.

Ну вот почему, черт возьми, почему, когда в моей жизни начинает хоть что-то просветляться, происходит какая-то гадость, разрывающая всякую связь с верой?!

Изведаясь в переживании от неизвестности, скорыми шагами я нервно измеряю просторный зал ожидания госпиталя. Папе делают сложную операцию.

На кону все.

Возвращаясь со сделки, он так спешил домой, что подогнал водителя. Тот ехал на максимально допустимой скорости и не заметил машину, выехавшую из-за поворота. Два автомобиля превратились в груды скомканного железа (*кажется, я даже слышу этот пронзительный скрежет сейчас*). Папа сидел как раз с той стороны, где и произошло столкновение, поэтому теперь отчаяннее всех старается выкарабкаться из цепких лап смерти.

Неужели ты заберешь у меня и его? Ты уже заграбастала маму, следующая очередь его!?

Нет, я не смогу пережить еще одну потерю, это действительно слишком! Максимально жестоко и не представить. Я так и не попросила у него прощения... Вдруг он уйдет, так

и не узнав, что я раскаиваюсь? Я не прощу себя никогда за то, что посмела причинить столько боли родному человеку! Будь все проклято!

Прошло три часа. Ничего толкового от медсестры услышать не удалось. Она каждый раз выходила с одной и той же вестью: «Операция может затянуться. Все очень серьезно. Мы стараемся сделать все возможное».

Я стою и с отвращением гляжу на свое отражение в темном стекле больничной двери. Накопленное выжигает меня изнутри. Глаза полыхают губительным пламенем. Плечи тянет к земле не хуже гравитации Юпитера. Миссис Данн, Стив, Блейк и еще пара незнакомых мне людей стараются держаться, я же не могу. Зареванная красная физиономия осточертела даже мне.

И как бы я не была признательна этим людям, они чужие. Кроме сестры и отца, который сейчас находится в подвешенном состоянии, у меня никого нет. Возможно, и его скоро не станет...

Страх, боль, гнев. Все снова смешивается в уже знакомую реакцию. Трясет так, что даже возможности нормально вздохнуть не предоставляется.

Я окончательно срываюсь после того, как открывается дверь и оттуда выходит та же медсестра с тем же выражением лица. Она не скажет чего-то нового! Кажется, я застряла в замкнутом круге словно хомяк, бегущий в колесе. Гневно выкрикивая ругательства и разбрасывая повсюду стулья, пи-

ная их ногами, я убегаю из госпиталя.

На улице давно уже не вечер. Лохматые тучи стремительно сдвигаются над головой. Все звуки смешиваются в собачий визг и волчий вой. Холодный ветер сразу же врзается в меня и щиплет кожу острыми иголками, заставляя съежиться.

Больно!

Я готова прямо сейчас упасть на землю и потерять сознание. Ощущение нарастающей паники подначивает к сумасшествию.

Нет, только держись. Тебе нужно уйти отсюда.

Только куда бежать со сломанной душой?

Я хочу рассеяться! Забыться, как прежде, по уже знакомой схеме. Она всегда работала, не должна подвести и в этот раз. Я набираю знакомый номер, получаю адрес и сажусь в такси. Оно привозит меня к какому-то стремному бару, кишашему дешевыми людишками и мутной выпивкой. В принципе, на другое я и не рассчитывала, да мне и не привыкать. Эта ночь уже знает, что меня ждет сегодня.

Я почти дохожу до двери, как слышу знакомые голоса за задворками. Рев моторов и громкие возгласы приводят меня к стоянке, на которой кроме толпы байкеров и их железных коней никого нет.

Банда Лихачей в полном сборе, но парочка новых лиц разбавляет их общество. И эти незнакомцы настроены явно агрессивно.

Понятно, очередная сходка за решение, кто из всех этих придурков круче, тупоголовее, примитивнее.

– Дакота, подожди в баре! – Хантер меня замечает и сразу же указывает, лишний раз демонстрируя свою мнимую власть.

– Я похожа на того, кем можно помыкать?

Уверенно вклиниваясь в их пространство, я внимательно разглядываю байкеров. Один из них мне кажется смутно знакомым... Где-то я его уже видела. И он не из прихвостней Хантера, а, скорее, его противник, так как настроен агрессивно.

– Ты?! – Непонимающе уставляется на меня брюнет, приковавший мое внимание.

И тут до меня доходит, что это тот тип, который сбил меня пару недель назад.

Я коварно ухмыляюсь.

Вот так встреча!

А мир не такой уж и большой, как мы все думаем.

– Оу, если бы я знала, что ты будешь здесь тусоваться, то принесла бы твою зачуханную футболку.

– Можешь оставить ее себе! – сразу же отвечает тот.

– Вы знакомы? – Хантеру это явно не нравится. – Откуда ты ее знаешь, урод?!

– Заткни дыру, душло гнилое! – брюнет явно без тормозов.

Главарь тут же подрывается и направляется в его сторону, но я вовремя встаю между ними. Касаясь напряжённых

грудных клеток, развожу их руками в разные стороны, словно рефери на ринге.

– Закатали свое самомнение обратно в задницу и разошлись!

– Дакота, откуда ты его знаешь? – Лихач злобно смотрит на моего нового знакомого.

– Тебя это не должно волновать! Ты мне нужен прямо сейчас, так что разобьете морды друг другу как-нибудь потом.

Он непонимающе уставляется на меня, требуя ответа.

– Точно уверена, что именно он тебе нужен? У него мозг, как у пятилетнего мальчика, – с насмешкой заявляет брюнет, заставляя своего оппонента еще больше взбеситься.

– Ну уж точно не меньше твоего! Ты всегда такой примитивный или это особый случай? – метнув на него усталый взгляд, выпаливаю я.

Байкеры начинают ржать, словно лошади диких прерий. И только оскорбленный парень прожигает меня своими голубо-зелеными глазами, заставляя мою ухмылку раствориться.

Становится стыдно.

Стоп! Нет времени на это.

Пока конфликт на секунду затихает, я решительно хватаю разозлившегося Хантера за руку и увожу в вонючий бар. Меня раздражает каждый сантиметр этого места, каждый возглас, смех, вздох. Заказав бутылку виски у разнузданной официантки, в короткой, как и ее ум, юбке, я усаживаюсь на обшарпанный стул.

– Откуда ты знаешь этого дебила из Пантер? – не отступает Лихач.

– Я его не знаю.

– Мне так не показалось.

– Если бы я смогла предвидеть, что ты будешь задавать исключительно тупые вопросы, то никогда бы не позвонила.

– Что-то случилось?

– Не твое дело!

– Тогда зачем оторвала от важных дел?

– Важных дел? Ты падаешь в моих глазах все ниже и ниже. Еще не поздно забрать все слова обратно и просто подождать, пока я опьянею.

– Даки, твою мать, что тебе от меня нужно?! – На его шее вздуваются вены.

– Где ты остановился?

– В мотеле, здесь недалеко. А что?

– Пошли. – Я забираю бутылку со стола и встаю, глядя на ничего не понимающего байкера.

Когда мы доходим до его номера, виски успеваает задурманить мне голову, притупив ощущения и эмоции. Меня парализует. Я теряю себя. Кажется, что вместо меня действует, говорит, решает кто-то совершенно другой. Не я.

Хантер долго возится с ключом, посыпая проклятиями все на свете. Дверь, аллилуйя, открывается, и нас встречает затхлый запах крошечной комнатухи. В коробке из-под холодильника и то просторней. Едкий зеленый свет лампоч-

ки, подвешенной на облезлом проводе, позволяет рассмотреть ровно столько, чтобы можно было развидеть серые пятна сырости, угрюмые темные шторы и стремную кровать.

Убогое место.

– Тебе негде переночевать? – скидывая с себя кожаную куртку, спрашивает он.

– Спать я сейчас точно не буду!

– Тогда что тебе нужно?

– Заткнись уже, а! Столько вопросов даже ревнивая жена своему муженьку не задает.

Я, не церемонясь, снимаю с себя одежду, демонстрируя наготу тела. Глаза главаря таращатся на меня сначала в неожиданности, но на смену ей вскоре приходит животная похоть. Не дожидаясь дальнейших действий, я беру бразды правления в свои руки и снимаю с него джинсы и футболку, а после толкаю на скрипучее ложе. Он пытается прикоснуться ко мне, но я, цепляясь в его руки, преграждаю самодеятельность.

– Резинка есть?

– Да, я сейчас...

Он встает и достает из кармана куртки пачку презервативов.

Похотливый слюнявый язык фривольно проникает в мой рот. Мне противно, тошно, мерзко, но лучше я отдамся этому придурку, чем страшной боли от неизвестности и переживаний. Сейчас мне нужно похоронить все мучения, разо-

гнать грусть.

Не позволяя тупой прелюдии разгореться, я сажусь на него сверху и получаю то, зачем пришла. Эгоистично. Грубо. Грязно.

Пиликающий трезвучиями телефон, действует отрезвляюще. Я отрываю тяжелую голову от подушки и сразу же понимаю, что то, что было пару часов назад – действительно произошло. Краска заливает по самые уши. Меня тошнит в самом прямом смысле!

В чем мать родила быстро добегаю до туалета, рвота сразу же оказывается в фарфоровом друге. Мерзость! Ощущения такие, будто бы по мне проехался грузовик. Все мышцы неприятно ноют, внутренности выворачиваются наизнанку.

Хантер спит. Его голая тощая туша довольно распласталась на кровати. Едва ли он расскажет кому-нибудь об этом... Ведь впервые в его жизни не он попользовался чужим телом, это его использовали как дешевую шлюху.

Дрожащими руками я беру телефон и открываю сообщение от миссис Данн:

«Дакота, у меня очень хорошая новость! Ваш отец удачно перенес операцию. Он будет жить! Мы ждем вас в госпитале.»

Не могу поверить своим глазам!

Он будет жить, он будет жить, он будет жить!

Трижды перечитываю текст, не веря в происходящее. До-

за облегчения поступает в кровь мощнейшим успокоительным. Мне только что расцепили петлю на шее. Я могу дышать!

Не стесняясь эмоций, выпускаю море из слез в открытый океан. Я реву так, что все тело превращается в жидкость. Я не чувствую ни костей, ни мышц, я чувствую лишь легкость!

Вы слышите? Легкость!

Долгожданное облегчение выходит из каменного заточения вместе с соленой влагой. Я плачу, и мне больше не больно. Мне хорошо!

– Эй, детка, ты чего? – Сонный байкер трет глаза и усаживается на кровать.

Я, опомнившись и ничего не отвечая, резко подрываюсь с места и начинаю одеваться.

– Ты куда в такую рань?!

– Хантер, меня для тебя больше нет. Забудь все, что здесь произошло. Забудь меня.

Он открывает рот, чтобы что-то спросить, но я, напяливая на ходу рубашку, громко захлопываю дверь и ухожу из мотеля. Ухожу от своего прошлого навсегда.

Каждая секунда, поступившая в мои легкие с кислородом, не дает жизни, а отнимает. С каждым днем меня становится все меньше. Каждый год приближает меня к гробовому маршу и месту на кладбище. И я должна сделать многое, чтобы достойно запомниться этому миру, прежде чем мое время подойдет к концу.

Солнце возвело новый рассвет. Наступил новый день. Сегодня я начну с начала и все исправлю. Сегодня.

Чертов Хантер! Эту тварь и его дружков я не ждал сегодня встретить на фестивале. Приперся сюда из Нью-Йорка, только чтобы вывести меня из себя. Этот ублюдок заслуживает разбитой рожи за очередную тупую выходку в моем городе, и он же, оказывается, встречается с этой девчонкой!

Что она делала рядом с ним?!

Как все-таки тесен мир. Я уже и не надеялся встретить ее еще хоть когда-нибудь, а тут...

Я запомнил нашу первую встречу, ее обеспокоенное лицо даже во сне... Наше недознакомство получилось неординарным, чего уж таить. Но она эффектно выбралась из дерьма, в которое ее закатала случайность, выплеснув на меня кучу стервозности. По ее поведению сразу было понятно, что она из богатеньких, так что же она забыла в обществе Лихача?! Девицы из ее круга никогда бы и не посмотрели в его сторону.

Кто же ты такая, Дакота? И какую роль играешь в банде? В любом случае, если ты с ними, то ты мой враг.

Глава 7

Два месяца спустя

Я рад агонии. Мне чертовски все болит, но это как знак того, что я живой. Но большее счастье мне принесло полное воссоединение нашей семьи – Дакота вернулась ко мне, она вернулась ко всем нам. Если это авария так на нее подействовала, то я благодарен несчастному случаю. Можно было бы пошутить, что клин клином вышибают, но смеяться тут не над чем. Что вышибло из Даки дурное, то заставило ее еще больше переживать. И я не хочу, чтобы она еще хоть когда-нибудь встретилась с чем-то подобным.

Меня уже как пару дней назад отпустили домой. Я могу ходить, но боль в сломанном ребре быстро расходует силы, поэтому большую часть времени провожу в постели. Но я верю, что поправлюсь быстрее рядом с теми, кого люблю больше всего на свете.

– Папочка, смотри, что я тебе нарисовала! Это я, ты и Дакота! – забегая в комнату и протягивая рисунок, пищит радостно Ив.

– Очень красиво, дочка. Я здесь так похож! – глядя на забавную улыбающуюся рожицу с круглым носом и огромными глазами, смеюсь я.

– Я вложила все свои способности в то, чтобы ты получился здесь здоровым! Это значит, что ты совсем скоро по-

правишься.

– Уверен, что так и будет... А где Дакота?

Ивонна залезает на кресло и достает карандаши. Высунув язычок, она увлеченно продолжает калякать что-то на листке.

– Она пошла в танцевальный зал, кажется...

– Радость моя, а как давно она ходит туда?

– Сегодня первый раз.

Даки... Она решила вспомнить свое танцевальное прошлое? Представляю, как ей сейчас тяжело. Ведь все, что подчинено танцам, напрямую связано с Мередит. Я боюсь, что она, вспомнив об этом, снова рассердится. И я должен быть рядом, если это произойдет... Поэтому, преодолевая ноющую боль в боку, я поднимаюсь на ноги и выхожу из комнаты.

В зале настораживающе тихо. Я не решаюсь зайти внутрь и лишь слегка приоткрываю дверь. Дакота сидит на полу в тренировочном костюме, обняв себя за тощие колени, и смотрит вниз. Она не плачет, ей просто грустно. И осуждать ее за это глупо. Печаль здесь обоснована. Ее громкое и беспокойное дыхание, словно она только что делала разминку, эхом проходит по стенам.

Собрав всю волю в кулак, она подходит к зеркалу и внимательно разглядывает себя в отражении. Ее волевой, но слегка потерянный взгляд, блуждает по трясущимся рукам и ногам. На секунду она хмуро сдвигает брови, прикусывает губу и

сжимает кулаки.

То ли презрение, то ли сомнение становится последним решением.

Дочь включает какую-то грустную мелодию и неуверенно начинает танцевать. С каждым шагом ее действия становятся сильнее, напористее. В ее плавных движениях чувствуется незабытая грация. Она, будто забывая о гравитации, парит над полом, как птица, раскинув руки в стороны. Столько энергии и одновременно боли в этой пластике! Даже я, полный чайник в делах хореографии, замечаю это.

Она так похожа на Меридит...

Если бы я была способна уничтожить себя танцем, то это произошло прямо сейчас. Чувствую натянутое, как струна, напряжение, каждую ноющую мышцу в своем теле. Все болит, в том числе и душа. Она знает, что чего-то не хватает... И я знаю, чего, а точнее, кого.

Эти движения мы придумывали вместе с мамой. Я помню ее советы, ставшие настоящей находкой. Я помню каждую связку, предложенную ей. Я помню, как мы вместе повторяли куски хореографии у нее в студии.

Как же мне тебя не хватает, мамочка...

Густая пелена слез заставляет остановиться, и я обездоложно падаю на пол.

– Доченька, т-с-с, все хорошо, не плачь! – Мягкая рука отца утешающе касается моего плеча.

И я благодарю Господа за то, что он дал мне шанс все исправить. Он подарил мне возможность все ему сказать, попросить прощения. И он простил меня. Простил свою ничемную плохую дочь, несмотря на все гадости, сотворенные раньше.

Каким же должно быть большим сердце, чтобы так поступить?

Вот уже как два месяца я не скандалю, не закатываю истерик, не убегаю из дому. Я не чувствую себя счастливой, но и несчастья в моей жизни больше нет. Я успокоилась. И, самое главное, перестала ненавидеть *ее*. Я отпустила ее. Наверное...

– Я уже не плачу, пап, – вытирая мокрую щеку, скулю я.

– Ты так красиво танцевала. Мне очень понравилось.

– Правда? Мне казалось, это выглядит ужасно.

– Ты что?! Какое глупое заблуждение... Ты уверена, что не хочешь вернуться к учебе?

Мельком смотрю на свое отражение.

Вот она я. Внешне все та же, но внутри разрушена. Я больше похожа на куклу с неисправным механизмом. Ноги сломаны, а нужно бежать, чтобы не угодить в лапы саморазрушения.

– Я не знаю, это сложно. Да если бы и захотела, то поздно. Учебный год уже начался.

– Думаешь, поезд ушёл? Пустяки, придёт следующий. У тебя куча попыток, возможностей. И не нужно считать, что

каждая неудачная – последняя. Нет последней, всегда есть ещё одна.

Его уверенный голос пробегает по залу и застывает в груди. Слова веры и надежды вселяют долю оптимизма, но реальность полна подводных камней, и в это я больше верю, чем во что-то хорошее.

– Но, пап...

– ... ты считаешь это единственной проблемой? – сложив руки в замок, спрашивает он.

– Ну да.

– А что, если я скажу, что это совсем не проблема? Фамилия «Коуэн» довольно влиятельная. Я могу поговорить кое с кем. Думаю, это поспособствует твоему восстановлению. Только в Нью-Йорк вряд ли получится, но в Университет искусств Филадельфии – запросто!

– Я не хочу возвращаться в Джулиард.

Больше всего на свете я желаю забыть то место, хранившее тысячи воспоминаний. Там было мое прошлое, а мне нужен чистый лист, пустая страница.

Я не хочу идти по дороге, вымощенной прочным камнем, по которой ходило тысяча пар ног. Я хочу найти нетронутое, где смогу оставить свой первый уверенный след, который станет новым ориентиром.

Благодаря связям папы и действительно значащему имени, меня приняли в группу. Правда, я представляю, сколь-

ко денег на это ушло. А еще пришлось пройти прослушивание, и это, на удивление, далось мне легко. Из-за жесткой, но действенной учебной программы самой лучшей танцевальной школы Нью-Йорка я смогла показать высокий уровень мастерства. Все остались под приятным впечатлением, педагоги перестали смотреть косо, поняв, что у меня есть талант, и я не просто дочка богатого папаша и посмертно знаменитой матери.

Уже сегодня начнутся первые занятия. Из-за довольно длительного застоя на этом поприще мне немного не по себе. Уже и не помню, что значит заниматься в группе. Надеюсь, я не облажаюсь в первый же день.

А еще меня вдруг посетила одна мысль – съехать. Нет, у нас по-прежнему все хорошо с папой, просто мне хочется свободы, независимости и самостоятельности. И я подумываю в ближайшее время снять квартиру. Если уж и начинать новую жизнь, то основательно.

Здание Университета искусств не такое впечатляющее, как Джулиард, но здесь тоже неплохо. Главное ведь не форма, а ее содержание. Мне только и нужны опытный педагог и хорошая учебная программа.

Как только я захожу в просторный зал, обставленный зеркалами со всех сторон, все взгляды сразу же падают на меня. Кажется, я немного опоздала, потратив время в попытке найти нужную аудиторию, блуждая по незнакомым коридорам.

– О, а вот и мисс Коуэн из Джулиард собственной персоны! – Привлекательный мужчина лет тридцати подходит ко мне и протягивает руку. – Я ваш куратор и по совместительству преподаватель академической программы мистер Сэймор.

В Джулиард преподавали в основном опытные, пустившие седину, хореографы, ушедшие в «отставку». А это что-то новенькое. Он довольно высокого роста. Крепкие руки прячутся за легким кардиганом, мышцы ног выпирают из тренировочных брюк. По его ярко выраженному акценту создается впечатление, что он француз.

– Здравствуйте! Собственная персона на месте, – спокойно отвечаю я, будто виделась с ним и не раз. Все-таки моя буйная жизнь сказалась на характере. Хоть что-то положительное оттуда вышло.

– Коуэн? Как Мередит Коуэн? – выдает кто-то из группы. Меня словно только что кипятком облили. Кажется, я даже побледнела.

А на что я надеялась?

Будь моя мать кем угодно, то и удивляться бы не пришлось. Но мою мать знают многие... Придется снова привыкать.

– Да, как Мередит Коуэн, которая, как вам должно быть известно, покончила жизнь самоубийством! – В моем голосе прорезается стальной холодок. Я смотрю на своих сокурсников и в отражении зеркала замечаю, что этот взгляд стер-

возный. Он сразу же прекращает тихие перешёптывания и загоняет в ступор студентов. – Но мне будет очень приятно, если вы не станете говорить о ней. Спасибо.

Да, не так я представляла себе первое знакомство. Ну да ладно. Мне все равно, как меня здесь примут. В конце концов, я учиться пришла, а не друзей заводить.

– Так, ребята, со знакомством покончено! Даю вам пятнадцать минут на разминку, – разряжает обстановку мистер Сэймор.

Все расходятся к станкам, аккуратно обходя меня, словно я дорогая хрустальная ваза, которую не стоит задевать, чтобы не попасть на бабки. И лишь одна девушка смело останавливается передо мной и лучезарно улыбается.

– Круто ты всех уделала! Камилла Берк или Кэм, как будет удобно! – Оценивающе рассматривает она меня и дает пять.

– Дакота или Даки, – сразу же отвечаю я.

Есть в этой блондинке с фиолетовыми прядями нечто такое, что привлекает. Мне нравится ее стиль: немного дерзкий из-за открытого топа и татуировок на ключице, но она сразу же выделяется из толпы, однообразно одетых в черные трико и футболки, танцоров.

– Даки, характер у тебя убойный, такие мне импонируют.

– Да ладно?

– Не люблю стеснительных кулем и тихушниц, Значит, будем дружить! Пошли, познакомлю тебя кое с кем.

Она берет меня за руку и ведет к долговязому, но не хи-

лому парнишке с пышной каштановой шевелюрой.

– Эштон, Эш, Грифф, называй его как хочешь! – подмигивает новая знакомая.

– Грифф? – переспрашиваю я.

Парень сразу улыбается:

– Гриффин – моя фамилия, но Кэм любит коверкать все, поэтому привыкай!

– Приятно познакомиться, Эштон. Я Дакота.

– ... или Даки! – добавляет блондинка. – Короче, дружок, она крутая, как ты уже успел заметить. Прямо как мы. Думаю, ей удастся стать неплохой соратницей.

– И в каких же делах, позвольте спросить?

– А скоро узнаешь, милая.

– Берк, Гриффин и Коуэн, на разминку. Живо! – встречается преподаватель.

Камилла раздраженно закатывает глаза, но поворачивается к нему с учтивой улыбкой.

– Не обращай внимания, вообще он лапочка, но всеми усилиями пытается это скрыть, – шепчет она мне на ухо и хихикает.

И так просто я нашла общий язык с этими двумя, а ведь еще и пару минут не прошло! Может, мы и станем друзьями...

Ха-ха, дружба с первого взгляда. Звучит!

Мы подходим к станкам и приступаем к разогреву. Вот я и вернулась к своему любимому делу. Даже трудно поверить

в это, но все реально. Я действительно вернулась к занятиям! Закинув ногу на дубовый станок, я чувствую, как связки приятно потягивает. Мне не хватало этого ощущения, тепла по мышцам и коже.

Как я могла променять все это на синяки, ссадины и безумство?

– Мистер Сэймор, а пусть нам Коуэн покажет, чему ее в Джулиард научили! Все-таки не каждый день встретишь кого-нибудь оттуда.

Я смотрю в сторону, откуда пошел звук, и замечаю рыжую девицу, уставившуюся на меня с неким презрением. Она не намного, но все же выше меня ростом. И эти смешные пару дюймов наивно позволяют ей считать, что она здесь лучше всех. Глупая гусыня!

Вот с ней-то у меня и будут частые терки. Знаю я таких особей, которые думают, что лучше их во всем свете не сыскать. ЧСВ завышено до максимальной отметки, и датчики высокомерия превышают допустимые нормы(4). Но ничего, я научилась таких осаживать. Она об этом еще не знает, но скоро до нее это дойдет.

– Кора, на это нет времени! Да и к тому же, зачем смущать человека. Дай Дакоте обвыкнуться, – отвечает хореограф.

– Но я совсем не против, мистер Сэймор. Меня ни капельки не смущает здесь ровным счетом ничего. Разве талантливый танцор должен бояться показывать, на что он способен?

Я невозмутимо выхожу в центр и не свожу с рыжеволосой

насмешливого взгляда.

– Выбери! – лишь коротко бросаю ей.

Девушке хочется уколоть меня сильнее, опозорить, поэтому она долго копается в выборе подходящей композиции. И когда из колонок выходит довольно резвая по темпоритму мелодия, я понимаю, что она решила меня проверить на скорость и сообразительность.

Я опять опоздал на занятие. Черт возьми, проспал! Но судить меня точно не станут, тем более этот препод, годящийся по возрасту в старшие братья.

Я беззвучно открываю дверь, дабы не помешать, но так и не захожу: уж слишком тихо – не лучший момент для появления. Передо мной предстает весьма интересная картина: Уэлш стоит возле колонок и ненавистно косится на какую-то девчонку в центре зала. Новенькая что ли? Впервые ее здесь вижу, но фигурка кажется мне знакомой.

Вдруг врывается громкая музыка, и она начинает танцевать. Причем танцевать довольно неплохо. Судя по всему, это импровизация, не сухая, пластичная с крутой техникой исполнения. Давно я не видел чего-то подобного!

А у нее есть талант...

Песня приближается к кульминации, и если она почувствует ее и выразит в движениях, то я преклонюсь перед ней.

Темноволосая резко останавливается перед Корой и, не сводя с нее взгляда, пятится спиной назад. Пару восьмерок, и

она должна сделать хоть что-нибудь, иначе провал! И тут эта девчонка бежит вперед, в самый пик музыки замирает в пару дюймов от носа рыженькой и подпрыгивает вверх, закидывая одну ногу за голову, приземляясь в красивом падении.

У нас про такое говорят просто: уделала. Причем так уделала, что тому, кто бросил вызов, лучше сразу сквозь землю провалиться.

Танцорша победно поднимается под громкие аплодисменты и поворачивается ко всем.

Твою мать! Что за черт?!

Эта та чудачка из банды Лихачей! Это Дакота! Как такое возможно?!

Меня сложно выбить из равновесия, но она смогла это сделать. В который раз я встречаю ее там, где ее быть не должно?

– Ривз, ты все занятие у двери простоять собираешься? – Препод обращает все внимание на меня.

4. ЧСВ – Чувство Собственной Важности.

Глава 8

Переведя дыхание и довольно оценив исподлобный взгляд рыжей задиры, я поворачиваюсь к выходу, куда уже таращатся все ребята.

И кого же я вижу?!

Офигеть!

Знакомый байкер собственной персоны! Что он тут забыл? Выследил меня? Но где смысл? Да и мистер Сэймор по фамилии к нему обратился... Неужели он учится здесь?

Брюнет, недоверчиво пялясь на меня, словно я его когда-то укусила, проходит мимо и кидает полотенце на подоконник. Кожа на лице цвета слоновой кости заметно приобретает слегка гранатовый оттенок. Очерченная мускулами спина, напрягается под тонкой тканью серой футболки. Я тоже сейчас отнюдь не в расслабленном состоянии. Кажется, мои пальцы свело судорогой из-за того, что я сильно их сжала в кулак.

– Спасибо, что почтили нас своим присутствием, мистер Ривз. Вы пропустили разминку, придется соображать побыстрому! – Преподаватель дает ему задание, и тот идет к станку, не отрывая от меня глаз.

Мы оба загнаны в угол, оба обескуражены. Он, видимо, тоже не понимает, что происходит...

– О, я должна тебя познакомить с еще одним крутым че-

лом! – Передо мной вырастает Камилла, заметив, что хореограф ненадолго вышел из зала.

Она подзывает байкера к себе, но тот, игнорируя ее, поворачивается спиной и продолжает разогревать мышцы, закинув ногу на деревянную перекладину. Его жилистые руки вытягиваются к носку вместе с торсом.

– Ривз, не будь выскочкой! – не уступает девушка и сама тащит меня к нему. – Привет!

– Привет, Кэм, – равнодушно откликается он, продолжая растяжку.

– Эта новенькая только что осадила Уэлш, представляешь?! Ты видел это?

– Видел.

– Знакомьтесь, что ли... Даки, это Джейден.

– У него только это прозвище или есть что-то еще? – между делом спрашиваю я.

– О, рубишь с ходу, девочка! Джейд, Ривз, чертов засранец, называй как хочешь.

– Последнее больше всего подходит. – Внимательно смотрю я на парня, неизвестно зачем стараясь задеть.

Он лишь хищно ухмыляется и резко меняет ногу, выпячивая грудь, как петух, готовящийся к бою.

– Камилла, а у этой новенькой помимо острого дурного языка имя есть?

– Тебе ли не знать? – сразу же откликаюсь я.

– Эй, ребяташки, чего вздыбились? Конечно есть. Ее зо-

вут Дакота.

– И это все?

– А что еще? – Блондинка ничего не понимает.

– Ей бы подошло еще одно – стервозная истеричка, например.

Камилла впервые не находит, что сказать, уставившись на нас в удивлении.

– Эта стервозная истеричка может тебе морду разукрасить! – шиплю я, подойдя к нему в упор.

– Сама или при помощи дебила Хантера?!

Амплитуду его дыхания сложно не заметить. Наши лица слишком близко друг к другу. Я чувствую свирепость Ривза на своей коже. Он зол. Очень зол! Как и я.

Есть ли существенные причины этому? Ни одной! Но против себя не попрешь, мне хочется уколоть этого человека по сильнее.

– Тебе дать право выбора?

– Ха-ха, да ты...

– ... заткнитесь оба! – встречает Камила, растаскивая нас в разные стороны. – Я откровенно не понимаю, что здесь происходит, и лучше бы вам поскорее все прояснить!

Наша междоусобица привлекла много ненужного внимания. Все, прекратив свои дела, сосредотачивают на нас любопытные взгляды. По залу пробегают лишь короткие перешептывания.

– Не бери в голову, Берк! – бросает он и, возвращаясь к

станку, продолжает разминку.

Меня разворачивает гнев. Мы друг другу никто: ни друзья, ни враги, но неприязнь вклеила с первых же секунд свою персону и предписала наши дальнейшие отношения. Дружбы у меня с ним явно никогда не будет только потому что он часть байкерской банды, а я больше не хочу иметь ничего общего с этим. Каждый член этой субкультуры – никто иной, как обычный кусок дерьма. А все дерьмо осталось в прошлом, и места в настоящем ему нет и не будет.

– Даки, ты-то хоть объясни, – отведя меня в сторону, продолжает блондинка.

– Да так. Мы уже виделись с ним пару раз. И сразу друг другу не понравились. Не обращай внимания.

– Во дела! Жалко, я надеялась, что вы подружитесь. Джейд клевый парень.

– Сомневаюсь.

Мистер Сэймор вовремя возвращается в зал, и я благодарю его за это. Подробных расспросов я бы сейчас не вынесла.

– Итак, ребята. Вы же в курсе, что вам предстоит сделать выпускной проект, чтобы получить диплом? В этом году карты легли так: тема – дуэт. Вас как раз поровну. Сейчас мы методом честной и беспристрастной жеребьевки разведем вас по парам.

Он кладет папку на стол, пока вся группа недовольно вздыхает.

– Может, не будем испытывать судьбу и сами разобьем-

ся? – спрашивает кто-то из студентов.

– Ну уж нет, уважаемые! Все должно иметь исключительно рандомный характер. Это точнее покажет ваш профессионализм и умение сработаться. Короче, все, прекратите возмущаться! – продолжая гнуть свою линию, он прерывает череду недовольств. – Парни, ваш выход! В прошлый раз выбирали девушки, очередь ваша. И да, самое главное правило: перетягивать и менять партнера нельзя.

– И часто вы полагаетесь на волю случая? – спрашиваю я Кэм, удивляясь подобному методу.

– О да, наш препод любит пощекотать нервишки! Хоть бы мне не достался Крамер!

– А Крамер это кто?

– Видишь перекаченного альфа-самца с банданой на голове?

Я сразу же замечаю этого парня. Он реально похож на жертву тестостерона: у него самые рельефные мышцы и явно завышенная самооценка. По одному его слишком самоуверенному взгляду становится ясно, кого он из себя представляет, точнее, кого пытается представлять.

– Такого не трудно обсадить!

– Может и не трудно, но, видишь ли, он мой бывший... – кривится она, словно лизнула горсть аскорбиновой кислоты.

– О-о-о, ясно, можешь не продолжать.

Несколько парней называют имена, Сэймор сразу же вносит их в список. Некоторые остаются довольными своими

партнерами, кто-то не очень, но возникать никто не решает-ся.

Очередь подходит к Ривзу.

Я и сама не заметила, как все мое тело напряглось.

Байкер вытаскивает маленькую белую полоску и по выра-жению его лица становится понятно, что выбрал он ту, кого больше всего не хотел. И, вероятнее всего, это я, так как он сразу же протяжно вздыхает и грозно смотрит на меня.

Твою ж макаронину!

– Ну, что там у тебя, Джейден? – спрашивает хореограф, нарушая секундную тишину, кажущуюся часовой.

– Вы сказали, что нельзя перетягивать, – скомкивая кло-чок бумаги, процеживает он. – Но, поверьте, если вы мне этого не позволите, грядет война.

Все с интересом таращатся на него.

– Назови имя!

– Дакота Коуэн.

Он сказал это так громко, что, кажется, зазвенели стекла в окнах. Группа, ставшая свидетелем нашей недавней разбор-ки, звучно захохотала. Моя душа ушла в пятки. Таких пин-ков от судьбы я не ожидала.

Какого лешего?! Ну почему из десяти девчонок он выбрал именно меня?

– Пускай эта война закончится миром! – заключает Сэй-мор и вписывает мое имя в лист.

Мира точно не будет.

Ожидается много крови и жертв.

Зря вы затеяли это... Мы с ним точно не станцуемся.

Я лишь кошусь на брюнета и всем видом показываю, насколько мне неприятна эта новость. Его реакция взаимна. Кто-то кладет ему руку на плечо, словно говорит: «Крепись», на что он отвечает хмурым взглядом: «Пошел к чертям собачьим».

Надо мной витает дух гнева, словно подвешенный на тонкую леску слон, но я лишь сжимаю челюсть и, не спросив разрешения, выхожу из зала.

Прошла целая неделя, семь долбанных дней раздражающих занятий в паре с напыщенным Ривзом.

Терпеть его не могу!

Он бесит меня сильнее, чем, всевзятые в охапку, раздражающие создания этого мира. Успокаивает лишь то, что я ему тоже не по вкусу. Хотя что-то у нас общее, но из этого не слепишь годный танцевальный номер. Выпускной проект стоит под угрозой... Почему мироздание пакостит мне всюю? Мало того, что мы учимся в одном месте, так еще и вынуждены быть партнерами! Хотя язык не поворачивается называть нас так. Скорее, мы конкуренты. Два враждующих рода – Монтекки и Капулетти, герои комиксов – Бэтмен и Джокер, персонажи Дойла – Шерлок и Мориарти.

Из хорошего, что произошло со мной за все время, это общение с моими новыми друзьями – Камиллой и Эштоном.

Они очень крутые ребята, и с первого же дня стало понятно, что мы найдем общий язык. Мы находимся на одной волне. Кэм – очень веселая, со строптивым характером и непосредственным мышлением девчонка, а Эш – точная ее копия в мужском обличии. Они реально похожи. Оба взбалмошные, смелые и сумасшедшие.

Сейчас я сижу с ними в кафе «Хорошая Карма». Название веселит, оно прям точно и успешно НЕ описывает все происходящее в моей жизни. Здесь Берк работает официанткой, поэтому эта локация стала частеньким местом наших встреч, не считая университета.

– Даки, кофе? – учтиво спрашивает подруга.

– Только крепкий... виски.

Оба уставляются на меня.

– Что?! Какие же вы смешные! – смеюсь я, глядя на их офигевшие лица. – Я думала, вас трудно смутить.

– Ты чего, посреди белого дня надраться решила?

– Не надраться, Эш, а выпить, расслабиться.

Камилла возвращается со стопкой и стаканом колы. Я сразу же осушаю обе емкости. Горечь расходится по горлу. Становится жарко. Я в чем-то понимаю алкашей, гонящихся за легкими ощущениями... Правда, становится как они, – не моя цель. Просто прямо сейчас мне нужно что-то, что способно перекричать раздражение внутри.

– Тебя так Джейд доконал?

– Ага.

– М-да, кошечка, пробежавшая между вами, явно черного цвета была. Ну ничего, стерпитя, слюбится...

– И не мечтай! Тебе хоть с партнером повезло – Эштон метко попал.

– Уж поверь, не в обиду Грифффу, но я бы предпочла танцевать с Ривзом. Его техника мне больше подходит.

– Эй, ничего страшного, что я сижу здесь? – негодует друг.

– Прости, чувак, я ничего против тебя не имею, ну ты же сам знаешь, на что способен Джейд! Давай здраво судить, мы с тобой похожи, а чтобы сделать отменный проект, нужна экспрессия, противоположность, буря. Так что милочка, считай, тебе повезло, я уверена, вы получите высший балл, если до этого не поубиваете друг друга.

– А ты чего сюда работать-то пошла? – меняю тему разговора я. Задолбал этот Ривз, он повсюду!

– Соседка по квартире собрала шмотки и увинтила черт знает куда. Нужны деньги, чтобы оплачивать место под солнцем. Я не бедная, мои родители с достатком, но они стараются сделать меня самостоятельнее, видите ли. – Она, подобно королеве напускного пафоса, закатывает глаза.

– Хм, прям под солнцем?

– Естественно! Я на другое и не согласна. Апартаменты лучшие, в центре, на тридцатом этаже, вид потрясающий!

– Недурно... А если я войду к тебе в долю, примешь под солнышко? – Я ведь хотела съехать, самое время.

– О-о-о, дамочка, ты что, уже опьянела? Зачем тебе сва-

ливать из собственного дома, где есть все?

– Чтобы ты спросила об этом.

– Аргумент. Ну окей, я согласна! Это ж идеально! – восклицает Кэм. – Короче, я пошла работать, а ты уже сегодня можешь перетаскивать свои вещички! Адрес смс-кой кину.

Она дарит нам воздушный поцелуй и улетает, как бабочка к следующему столику.

– Я с вас фигею! – только и заявляет Гриффин.

Папа до последнего не хотел верить в то, что я переезжаю. Я «обрадовала» его этой новостью не вовремя. Только он привык к нормальной жизни, как его ребенок решает уйти из дома. Прекрасно понимаю, что он чувствует, но должна же я и о своем будущем подумать. Я хочу самостоятельности, в свои двадцать один год пора бы уже...

Поэтому с чемоданами и забытыми донельзя двумя машинами всякой техники и мебели, мы подъезжаем к высотке, где живет Камилла. Я этот город почти не знаю, но вот здание мне кажется смутно знакомым.

Была ли я здесь или просто проезжала мимо?

Не помню!

Апартаменты находятся на тридцатом этаже. До места назначения лифт, как философствующий пилигрим, держит свой тяжкий путь вверх медленно, не спеша. Минуты три из своей жизни можно сразу вычеркивать каждый раз, когда я буду возвращаться домой или выходить на улицу. Что не так

страшно, ведь один год я уже и так бесполезно прожгла.

– М-да, здесь футов четыреста от земли! – восклицает отец, глядя в окно холла.

– Я высоты не боюсь, пап!

– А вот я побаиваюсь с самого детства.

– Значит, ты не будешь слишком часто приезжать! – шучу я.

Кэм появляется в коротких шортах и прозрачной футболке у раскрытой двери. Хорошо, что хоть додумалась лифчик надеть! Папа и охранники были бы не готовы к подобному зрелищу.

– Даки, милая, добро пожаловать в новую обитель! Теперь каждый дюйм этого уголка свободы – твой. Все мое – твое! – Она внимательно смотрит на Стива и Блейка и выстраивает самую прелестную улыбку на своем лице. – Камилла Берк!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.